
КНИГИ.
СИГАРЕТЫ.
ПОЕЗДА
18+
Марина Горшунова

Марина Евгеньевна Горшунова

Книги. Сигареты. Поезда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72207913
SelfPub; 2025

Аннотация

Типичная история любви к плохому парню, но три года спустя.

Алиса учится в престижном университете и собирается строить карьеру, пока не попадает в город, с которым разорвала связь после попытки суицида. Погрузившись в прошлое, Алиса начинает вспоминать сцены – яркие, как кадры из кино. Главный герой в них – Кай, с ним и Алиса чувствовала себя героиней. Только кроме этих обрывков, Алиса ничего не помнит из того года. Что случилось с Каем, любил ли он Алису, и существовал ли вообще?

История о взрослении, сложном выборе и о том, как не потерять человечность, пытаясь стать героем романа.

Марина Горшунова
Книги. Сигареты. Поезда

«Книги. Сигареты. Поезда.»

«Этот мир без твоих сигарет обретает конкретный смысл,
И как будто бы фильм о любви превращается в фильм про жизнь»,
«Не ждала», Princesse Angine

Глава 1

«Я рок-звезда, идите на!».

Алиса сняла наушники, недослушав припев. Голова разболелась то ли от давления виски, то ли от недосыпа. встала, не выдержав пытки духотой плацкартного вагона. Внезапная поездка безжалостно сломала режим.

Всыпала в гранёный стакан так-себе-кофе-3-в-1. Привычно прошла по шатающемуся коридору плацкарта – между чужих ног, курток и рюкзаков. Через каких-то пять часов поезд прибудет на Ленинградский вокзал. А потом… В живо-

те что-то неприятно тянуло. Взглянула в проносящийся по ночной тьме заснеженный лес.

"В наши дни транспорт такой быстрый, что расстояний почти не замечаешь. Города сливаются, но всё никак не превратятся в один."

Поезд особенно сильно тряхнуло, и пара обжигающих капель из бойлера попала прямо на пальцы. Зашипела, еле удержав стакан. К счастью, до температуры кипятка вода не дотягивала.

– Не замечаешь, как же…

Заметно аккуратнее дошла до пустующей постели со смятыми простынями. На верхней полке всхрапнули. Путешествие изо всех сил напоминало о материальности расстояний. Телефон издевательски сообщил, что добыча кофе заняла семь минут. Предстояло придумать, чем занять оставшиеся двести девяносто три. Сети, конечно же, не было.

Мир может и не сойдёт с ума без Алисы, зато она без него рискует повторить судьбу Карениной. *«Просто город – такой же, как все».* Врать себе получалось не очень. Из развлечений – блокнот и ручка. Говорят, если мысли записывать, у них меньше шансов привести тебя под колёса. Повезло ещё,

что досталась нижняя полка: билеты пришлось брать впритык.

Алиса отрицает планирование, предпочитая ему мобильность. Верит, что вечные игры с удачей помогают удержать её при себе. Но сегодня хотелось как можно больше свалить на организаторов сборов. *«Заслужили».*

Поезд притормозил на каком-то полустанке. Телефон торопливо и услужливо замигал, истерично доставляя новости – обновлённый опиум для народа.

Полустанок оказался Тверью.

– Алис, привет. Тут такое дело… Можешь занять косарь на неделю? Я отдам со стипендии, честно.

– Сейчас, если банк загрузится. Я опять в поезде.

Приложение – внезапно – ответило. На счастье, номер оказался записан на симку и пережил смену последних трёх телефонов. Перевела, не задумываясь – даже если Аня долг не вернёт, бюджет выдержит: за сборы прилично заплатят. Не платили бы – ни за что не поехала бы. Воистину «За деньги – да».

– Знаешь, почему у меня такая дичь с деньгами?

– Потому что твой универ невозможно совмещать хоть с какой-то работой, а стипендия – форменное издевательство?

– Вообще да, но сейчас не об этом. Потому что я выросла на фэнтези про приключенцев, где они чуть-чуть работают, бухают и едут дальше. Никакого финансового благополучия, зато какая жизнь!

– Теория интересная, но я бы грешила всё-таки на стипендии.

– Экономист чёртов.

– От физика слышу.

Подумала пару секунд. Поезд шатнуло – сеть угрожает в любой момент кончиться.

-Меня, кстати, завтра на три дня занесёт в ваш славный край. Там школа где-то недалеко от нашей альма-матер. Встретишь меня часов в шесть?

Хотела поделиться геолокацией школы, в которой организаторам почему-то приспичило проводить олимпиадные сборы. Мессенджер показал средний палец – то есть, конечно, просто восклицательный знак в красном кружочке.

Ну вот – снова рой мыслей. Подняла закатившуюся под стол ручку, пару раз потрясла в воздухе – не то чтоб этим можно стряхнуть микробов и многолетнюю пыль, но стоит

сделать хотя бы вид. Вернулась к блокноту. Поезд резко затормозил, и рука дёрнулась, перечеркнув написанное. *«Наверное, к лучшему».* Захлопнула блокнот и снова плюхнулась на подушку. На этот раз уснуть удалось.

Пять тридцать утра, пресвятой Coffix. Горький вкус плохих зёрен и лавочка у заснеженного привокзального фонтана. Зябко. Чиабатта – не слишком вкусная, но выданная добрым бариста взамен другой, безвозвратно утерянной по вине лопнувшего в микроволновке пакета.

По-хорошему, ей бы сейчас не сидеть тут, наслаждаясь внезапно выловленным из суеты дзеном. Перед сборами неплохо бы успеть в общагу: переодеться, сбросить тяжёлый рюкзак, привести себя в цензурный вид – не пугать школьников на первой же лекции. Но эти утренние электрички… Переполненные карьеристами, мечтающими послать всё к чёрту, завести собаку и уехать на остров курить бамбук, и феминистками, в чьих уставших печальных глазах явно читается мечта о прекрасном принце – чтобы вытащил из электрички, усадил в Мерседес и дал наконец отоспаться. Алиса знала по опыту – она и карьеристка, и феминистка, и голь понаехавшая. Сказочное комбо.

От недосыпа подташнивало. Сдавшись, выбросила чиабатту. Взглянула на чистое небо: захочешь по нему погадать

– не выйдет. Ни единого облачка, ни единого знака о том, куда ты попал. Города ведь всегда разные, даже если им вдруг почему-то забыли сменить название. Поднялась усилием воли и медленно пересекла привокзальную площадь, ловя голыми руками снежинки. Пожертвовав переодеванием, выторговала у этого утра пару часов невесомости. Привычный маршрут от Ленинградского до метро. Четыре станции по кольцу – Белорусская.

Снова почувствовала тошноту, только шагнув в электричку давно забытого направления. В половине седьмого вагоны почти девственно чисты и невинны перед лицом человечества за дёргающиеся глаза пассажиров. Полезла за многострадальным блокнотом: где-то читала, что фрирайтинг – лучшее средство от хаоса в голове. Написал пару страниц ни о чём, и ходишь весь день довольный, будто только что опустошил на пару с лучшим другом бутылку вина.

Но в Алисиной жизни хаос побеждал неизменно: утром допьёшь кофе на треть (при большом везении – даже на всю половину), обновишь в памяти весь запас нецензурщины в поисках жизненно необходимых карточек и бумажек, пару раз по пути выронишь ключи и наконец элегантно выпорхнешь навстречу новому дню, споткнувшись о порог на выходе общежития. Вечером, уставший, повторишь всё в обратном порядке. Днём – пугающая неизвестность.

Ручка дёрнулась, оставив весьма концептуальный росчерк на половину листа. Пора перестать выпендриваться и вернуться к заметкам в телефоне. Всё-таки электрички, поезда, автобусы и даже заднее сидение родительского автомобиля – не лучшее место для архаичного письма. Тяжело чувствовать себя Хэмингуэем, промахиваясь по строчкам: он, вопреки распространённым мифам, никогда не писал пьяным. Насчёт электричек никто, конечно, не уточнял.

Кое-как найдя нужную школу, честные шесть часов провела с детьми. Мысленно прибавив двенадцать тысяч к банковскому счёту, вышла в промозглый март. Во дворе школы до сих пор красовалась потрёпанная ёлка. Хотелось поскорее тепла. Хотелось кожанку, белые кеды и быстрый шаг. И пива. Определённо, хотелось пива.

Репетиторство – типичная история студента. Рассказываешь детям то же, что сам ночами пытался вбить в голову парой лет раньше. Если повезёт – делаешь хорошо. Тренируешь сборные, составляешь какие-нибудь олимпиады, выращиваешь пару-тройку себе подобных в год – потом видишь их в коридорах своего университета и неловко перемигиваешься на общих тусовках. Алисе вот повезло.

«Интересно, зачем вообще люди в пед идут?» Сколько се-

бя помнила, все лучшие учителя пришли совсем из других заведений. Закончили что-то предметное, поработали в области и пошли учить для души. «Для души» – потому что за основную работу платят, конечно, побольше.

– Для души… – Выходя за ворота, пнула пухлый свежевыпавший снег. Чего-чего, а души у Алисы было достаточно. Иногда даже слишком. А вот дел для неё… Набрала Ане. Кажется, только ей можно было по-бумерски позвонить и не мучиться угрызениями совести: у неё никогда не было денег продлить интернет. Три гудка, и знакомый голос из знакомой комнаты общежития.

– Привет. Я уже закончила в школе. Повышаю ставки до похода в паб.

– Так я ж тебе писала, что денег нет…

– Я угощаю.

– Уже выхожу.

Место встречи можно не уточнять – по старой памяти ввалились в маленькую подвальную кафешку с претензией на Баварский стиль. А может и не Баварский – Алиса не разбиралась, просто почему-то всегда именно так представляла немецкие погребки: не хватало только полногрудых женщин в белых рубашках, корсетах и юбках-колокольчиках. *«Откуда вообще взялся этот стереотип?»*

Никто уже и не помнит, как нашли это место, но спасало оно постоянно. На первом курсе денег ни у кого особо не было: однажды делили на пятерых маленький чизбургер – кусали по кругу. Никто не хотел стать тем, на ком он закончится. В целом, были даже довольны. *«Как хорошо мы плохо жили».*

А потом кто-то нашёл это место. Огромные порции, нормальное мясо, официанты без вопросов приносят тарелок побольше. Толкнув тяжёлую дверь, спустилась в подвал. В который раз улыбнулась искусственным окнам: вот тебе и светлое будущее. Аня уже сидела за дальним столиком – растрёпанная и в чём-то домашнем.

– По сидру?
– По сидру.

Отложили меню.

– Ты чего такая внезапная?
– Планирование – это вообще не моё.
– Слишком у тебя всё хорошо складывается для того, кто ничего не планирует.
– Случайности, – Алиса пожимает плечом, откидывается на мягкую спинку дивана. – Много счастливых случайно-

стей.

Официантка приняла заказ, не выдав разочарования его скудностью.

– Ты здесь какими судьбами? Работа?

– Сама как думаешь? Стала бы я в эту дыру мотаться…

– Не обзывайся – я тут вообще-то живу.

– Я факт констатирую. Мне из моей дыры до твоей – полтора часа, не считая прогулки. Тут причина нужна.

– И то правда. Так как занесло?

– Сборы Мособласти. Благословенный онлайн закончился вместе с популярностью коронавируса.

Принесли сидр.

– Надо другую работу искать.

– Так нормально же платят?

– Платят нормально. А пить после работы – нет. Приелось всё как-то. Меня уже вся тусовка знает, платят прилично. А я перестала хоть что-то чувствовать к детям. Надо уходить на пике, а то превращусь в ту самую злобную каргу.

– Права, наверное. Чем зарабатывать будешь?

– Что-то придумаю. Нельзя же всю жизнь репетитором проработать. Однокурсники в фонды какие-то устраиваются.

– Ты тоже хочешь?

– Не знаю. Наверное, да. Может, ещё по сидру?

«Странное заведение – низкие цены, большие порции, людей при этом практически нет. На что выживают?». Бокал выглядел таким полным, будто к нему даже не прикасались. Поймала себя на мысли, что это всё нереально. Что камера, свет, мотор – скоро прибежит режиссёр, будет ругаться чтоб пересняли. Знакомая песня. Что-то из AC/DC – как символично. *«И всё-таки – идеальные декорации. Знать бы только, о чём фильм снимают».*

– Ладно, я погорячилась, наверное. Выводит меня этот город.

– Чего так?

– Не люблю вспоминать о провалах. Предпочитаю делать вид, что никогда меня ни откуда не отчисляли. – Алиса неопределённо повела плечом и поспешила сменить тему. – Как последний курс, кстати? Есть там свет в конце туннеля?

– Говорят, если кто-то из соседей покончил с собой, всей комнате сессию зачтут автоматом. Сидим, выбираем ненужного.

– Ты в эти байки веришь?

– Не знаю, по Физтеху шуток много ходит. У нас целый отдел для борьбы с суицидами сделали. Дают дурацкие тесты, подозрительным личностям пишут до и после экзаменов, спрашивают, как самочувствие.

– Это мило.

– Мило, но не работает.

– Ну а что им ещё делать, если регулярно кто-то с крыши летает? Помнишь историю про ту девочку… Она с химбио вроде была?..

– Ага. И это только то, что вышло за стены факультета.

– Выпрыгнуло, если точнее.

Обе прыснули. Над такими штуками смеяться – грех, но в списке грехов уныние числится также. А что ещё делать, если делать и нечего?

– Вот так учатся дети в лицеях сутками, а потом всё. Критическая точка.

– Как Ведьмаки. Кто выжил, тот и молодец. – Аня, кажется, выстроила философию жизни на фэнтези.

– Но мы-то не в книге живём. Хотя кто его знает? Наверное, прикольно было бы оказаться героем романа.

– Я б на твоём месте была аккуратнее со своими желаниями. Не знаю, что ты там читала, но в романах жить обычно непросто.

– Зато хотя бы не скучно.

Глянула на часы – предательская половина десятого. Школа щедро предоставляла комнаты на время сборов преподавателям. Но там режим: не вернёшься до десяти, придётся ехать в своё общежитие на другом конце Подмосковья.

– Ладно, пора платить по счетам. Сходишь за официанткой?

Глава 2

На следующий день встретились снова. День выдался неожиданно тёплым, в честь чего и отправились гулять по месиву из грязного снега, грязи и осколков тонкой корочки льда. Шли знакомым маршрутом – от брусчатой площади с театром и фонтаном, где в мае разворачивали пёструю ярмарку, через общежития, церковь, неприветливое серое шоссе, спорткомплекс, дворы и школы к парку – оной из немногих достопримечательностей Подмосковного городка, половину которого занимал университет, а вторую – завод.

– Слушай, а эти новостройки здесь всегда были? Мне кажется, я не помню этот район.

– Неа. Выросло как грибы. Буквально вот на моих глазах.

– О, это же тут была масштабная стройка. Вспомнила забор.

– Да! На нём ещё чуть не повис, – Аня осеклась. – Ну, когда мы путь сократить решили.

– Точно. Не помню, зачем спешили тогда. Но получилось по классике: самое увлекательное путешествие началось с попытки найти короткую дорогу.

Город ощущается заколдованной картой. Каждый угол таит в себе какую-нибудь историю. Алисе казалось, что она видит призраки смеющихся подростков, взрывающих возле озера хлопушки и жгущих бенгальские огни, запивая новогоднее счастье шампанским, запрятанным в шарф. Их же, разукрашенных, одетых в странные наряды, шагающих по сонным улицам к фудкорту. Толпой собирающих одуванчики в украденные в продуктовом пакеты, чтобы варить на мангале варенье, которое потом всё равно выльют под куст.

На пруду тронулся лёд.

– Чёрт, а я ведь в ту зиму так и не покаталась на коньках. Зря привозила из дома.

– Тут для особо одарённых табличка висит. – Аня махнула в сторону знака, запрещающего выход на лёд.

– Разве нас такие мелочи останавливали?

Аня, одетая в лёгкую куртку, начала замерзать. Двинулись в направлении общежития.

– Ты чего не по погоде?

– Да у меня пуховик совсем износился, а стипендия… Сама знаешь.

– Попроси у матери? Ситуация так себе. Или даже на это не даст?

– К чёрту её. Дать она, конечно, даст. А потом потребует что-то взамен. И, поверь, холод для моего здоровья менее вреден. Да и потеплеет уже скоро.

Алиса проводила подругу до дверей общежития. Зайти на чай отказалась – не хватало ещё засидеться: вчера еле уговорила охранников пропустить её в школу после отбоя.

Отвела последнее занятие – пора уезжать. Аня вызвалась проводить. За три дня сблизились. Казалось, и не было пропасти из стольких лет молчания без причин. Вроде не ссорились. Просто Алиса поменяла университет и не хотела иметь никаких связей с прошлым. Так, может, и не увиделись бы больше, если бы не эти внезапные сборы. Алиса уже благодарила организаторов, в последний момент выдернувшим её из очередного путешествия в северную столицу. Долгопрудный оказался неплохой альтернативой на мартовские праздники, так удачно примкнувшие к выходным.

Дорога до станции электрички лежит через ностальгию.

На автомате подняла голову вверх, досчитала до девяти. Кажется, разглядела знакомый тёплый свет лампы.

– Не бережёшь ты электричество?

– Что?

– Свет в комнате не выключила.

Аня сообразила не сразу. Проследив за взглядом, подняла голову тоже.

– А, меня переселили. В нашей комнате теперь первокурсницы какие-то живут.

Запорошённая снегом аллея, тихое звёздное небо. Две фигуры на пути к станции электричек. Свежеуложенный чёрный асфальт, прочерченная велодорожка.

– Как дорогу, однако, облагородили. Ещё недавно тут сплошная грязь была и перелесок: мечта маньяка. – Алиса осеклась, подумав, что дорогу могли починить уже пару лет как.

– Ага. В прошлом сентябре здесь работы были, приходилось на дальнюю станцию бегать.

– О, это та, через которую мы на заброшку вышли?

– Было такое. Правда, она теперь выглядит как бизнес-центр: стекло, металл, эскалаторы.

– Интересные у тебя представления о бизнес-центрах…

– Мне и не пригодится. Я в науку пойду, мне светят только пыльные лаборатории.

– Да ладно, в Сколково довольно красиво.

– Поверю. За станцией, кстати, выстроили новый жилой квартал. Как раз на том пустыре, через который мы боялись идти. Честно говоря, не уверена, жива ли ещё та усадьба.

– Жива, думаю. Это ж культурное наследие было какое-то… Я её рисунок видела в Третьяковке на какой-то из экспозиций.

Почти вышли к станции. Алиса резко остановилась, чудом избежав столкновения с бегущим позади студентом.

– А помнишь мы смородину тут курили, когда денег на сигареты не нашли?

– Ага. Идиотское было решение.

– Ну, если есть безалкогольное пиво, то и чай курить вполне можно.

– По-моему, мы всё-таки не о здоровье заботились. Помнишь мухло?

– Господи, мне до сих пор плохо от одной мысли.

– Дёшево и сердито: вода, сахар, дрожжи. Тусовка с бюджетом в пятнадцать рублей.

– И даже здесь умудрились накосячить с пропорциями. До сих пор не понимаю, как комендантша нас не спалила.

– Случайности. Череда счастливых случайностей.

Алиса усмехнулась. Фраза прижилась и могла бы претендовать на девиз жизни.

Поворот направо, и уже видно станцию. Подъехала электричка – даже если бежать, не успеешь. До следующей мёрзнуть ещё минут двадцать. Бежавший за ними парень запрыгнул в вагон.

– Весёлое время было.

– А что-то поменялось глобально?

– Не знаю. Взрослую жизнь надо жить. Ещё год, и я уже не студентка.

– Поступай в магистратуру.

– А есть я что буду? Надо искать работу нормальную. Корпорация, офис, много стекла и металла. Вот и кончились сказки. А может, так и не плохо? Живут же люди…

– А тебе оно надо?

– Не знаю. Нас как-то с экскурсией привезли в Москву-Сити. Я тогда сказала подружке, что обязательно работать там буду. Может, это судьба?

Аня не нашла, что ответить. Запрокинула голову, ловя языком киношно-идеальные снежинки.

Глава 3

Утро началось с плесени.

Писк будильника – сегодня мелодия оказалась особенно раздражающей. Десяток жадных глотков из полторашки, стоящей у изголовья. По плану следовал утренний кофе. Вот тут-то и нашлась плесень. В кружке с недопитым чаем.

Уже несколько раз обещала себе не есть за пару дней до отъезда. И дома держать минимум продуктов. Желательно тех, которые переживут и её саму, и наводнение, и ядерный взрыв. Но поездки каждый раз настигали Алису врасплох, и битва за территорию начиналась опять.

Счастливым и непритязательным пользователям пакетиков такие муки незнакомы, но в Алисе где-то затерялись корни английских лордов, поэтому чай она заваривает исключительно настоящий, пьёт его с сугубо гурманским наслаждением и забывает где попало – видимо, в надежде на прислу-

гу. Прислуги почему-то рядом никогда не оказывается.

– Вечная борьба с плесенью – гимн моей бесприютности.

Привычка говорить с собой вслух никаким мнимым аристократизмом на объяснялась, но тоже плотно вошла в жизнь. В детстве над ней кто-то даже пытался смеяться, но не нашёл особого сопротивления и сдулся.

Влезла в растянутую футболку – явно из какого-то лагеря – и шорты, брезгливо подцепила двумя пальцами кружку. Задумчиво потопала на кухню в надежде, что никто из соседок не выбросил её губку для посуды.

Вечно "цветущая" кружка – хаотичность, неустроенность жизни. Несколько раз всполоснуть, атаковать горячей струёй до пузыриков на поверхности, с безнадёжным вздохом брезгливо запустить пальцы в керамическое жерло. Оттереть. Ещё раз всполоснуть в надежде вытравить остатки заразы с гладких стенок. Снова налить кофе, чтобы из-за предрассудков о стерильности отставить и забыть до следующего раза.

К кофе, конечно, необходим бутерброд. Алиса опасливо приоткрыла дверцу холодильника. Ничем подозрительным не пахло, на вид ассоциаций с новой цивилизацией тоже не вызывало – на этот раз, кажется, пронесло. Но пока расслаб-

ляться рано. Вся мировая подлость однажды собралась и породила продукты, расцвеченные заразой с дальнего края. Находишь что-то съестное в недрах пустого шкафа или холодильника. Радуешься, словно прошлогодней сотке в пуховике. Отрезаешь, надкусываешь, параллельно убирая обратно в хранилище и краем глаза цепляешься за подозрительную зелень на хлебе. Стоишь потом, думаешь: был бутерброд только с сыром или бонусом затесались грибы? Морщишься, представляя, куда она может прорости дальше. Трясёшь головой. Легкомысленно пожимаешь плечом – всего лишь пенициллин.

На этот раз опасности для жизни и здоровья кухня не представляла – там попросту не оказалось ни хлеба, ни сыра. Бутерброд не сложился.

На соседней полке как на парад выстроились баночки и контейнеры. Подальше – мука, крупы, сахар, какао, зачем-то сухой горох. Спереди – миндаль, фундук, арахис, грецкие орехи. Каждый вид в своей идеально цилиндрической, блестящей, аккуратной баночке из Пинтереста.

Если бы у контрастов были соревнования, этот имел бы все шансы победить. Как минимум в какой-нибудь номинации. Тянет даже на завязку сюжета. *«Вопрос только, чем всё закончится. В ромкоме к концу фильма должен появиться*

кто-то заботливый и хороший, кто останется и заметит брошенную кружку с недопитым чаем и хлеб, с которого скоро нужно просить арендную плату за следующий месяц. Появится обязательно при каких-нибудь дурацких обстоятельствах. Наверное, связанных с той же плесенью и хлебом. В мелодраме – будет то же самое, только не смешно. И почему-то грустно: он будет медленно умирать или навсегда переедет в другую страну, спасаясь от преследования. Или просто окажется абсолютно несовместимым по какой-нибудь странной типологии. Мы натворим бед, и разойдёмся, сделав вид, что никогда друг друга не знали. И плесень снова вырастет в кружке.»

Но пока приходилось справляться самой. Отмыла кружку, встряхнула, щёлкнула кнопкой электрочайника. Тот недовольно заворчал нагревателями. Пошла одеваться.

"Или вот антиутопия – там всё было бы совсем по-другому. Практически наоборот: стеклянные банки означали бы холодный порядок, а плесень – последний островок хаоса и свободы".

Выглянула в окно. Там – никакого порядка: кто в пуховике, кто в пальто. Мартовские "плюс три" по прогнозу особой ясности в мир не вносили.

"Люди бы сознательно отказались от всех чувств, как у Замятина, заменили бы их таблетками с простым дофамином как у Хаксли или просто напросто боялись бы тоталитарного лидера с автоматами. И все бы обязательно ходили в униформе. Каждый – под свой функционал. Верхнюю одежду на день объявляли бы вместе с подъёмом".

С сожалением посмотрела на столпившиеся в углу шкафа платья. Выглядят как час пик в метро: много, пёстро, категорически не влезают в пространство и непонятно, когда уже выйдут. Очевидно, что не сегодня.

"Неясно, конечно, какое всем этим режимам дело до чашек и баночек, но – допустим – это просто символизм для демонстрации контраста. Когда все вокруг одинаковые, для связи сойдёт и такое. А я была бы бунтарём, возглавила бы сопротивление…"

Чайник на кухне истерично взвизгнул и вырубился.

– Какое тебе сопротивление, ты даже количество воды проверить забываешь.

Предохранители, к счастью, сработали нормально. Обошлось без замыкания, но кофе Алисе теперь не светит. Зато сегодня точно без плесени. Вот сюжет фильма и сломался: ни

ромкома тебе, ни апокалипсиса. Можно разве что вернуться к родителям в город: там на оставленные кружки ругаются, а утром вкусно кормят сырниками или яичницей с колбасой. Или заработать наконец на квартиру и клининг в ней. Но с Московскими ценами – ближе уж апокалипсис.

Кстати, про цены: придётся брать кофе по дороге на пары.

Будильник ехидно оповестил, что на них она – кстати – уже опаздывает.

Вернулась в комнату, закинула ноутбук в рюкзак. Захлопнула шкаф с платьями, забрала со стула джинсы и футболку, накинула кожанку по дороге к лифтам.

"И всё-таки, подняла бы я бунт? Организовала бы сопротивление? Пока только пикники получались, конечно. И то вечно половина сольётся в последний момент. Лучше всегда цеплять людей по дороге: так собирались втроём, а вытащили четверть параллели. Сопротивление, наверное, так и работает – допустим, справимся. Что дальше? Драться я не особо умею, но стрелять когда-то учили. Но, конечно, всё это по-игрушечному. Не знаю, как в реальности. Но, опять же, адреналин…"

Лифт остановился и впустил сразу трёх незнакомых парней. Пришлось забиться в угол. Поехали дальше.

"А вот бегаю я не очень. Зато у меня есть брутальная кожанка – что-то это да значит, наверное. Но бегать надо начать. И про первую помощь почитать. А то мало ли – волосок, на котором как дискошар болтается эта планета, за последние пару лет сильно истощился. Того и гляди оборвётся – мир затрясётся, кувыркнётся вверх ногами…"

– Доброе утро, да, сейчас найду пропуск. Вот. Извините за задержку.

Парни из лифта недовольно сопели сзади: задерживать утреннюю толпу – полнейший моветон.

"Вот возьмёт жизнь и перевернётся на 360 градусов, как писали в каком-то девичьем журнале, выданном школьной медсестрой. Семиклассницы физмата тогда посмеялись над редакторами. Но они, видимо, что-то знали: мир перевернётся и встанет на место. Будет новая норма, будто по-другому и не бывало".

На улице уже ждал Марк. Странный парень, неизвестно как доучившийся здесь до третьего курса. За время их общего проекта по английскому, Алиса успела узнать, что он жутко любит искусство, и не очень-то охотно говорит про экономику.

– Прости, я немного опоздала: карточку потеряла. Идём?

"И почему я не удивлён?" – ухмылка самодовольная и снисходительная.

Вспыхнула на секунду. Растерянно посмотрела на Марка. Тот только неловко потянулся с объятиями. Ни один мускул на лице не повторял того до жути знакомого выражения, которое Алиса при всём желании не могла представить до конца – только части. Чужие. Несовместимые части. Поспешила скрыть неловкую паузу за слишком энергичными объятиями. Показалось.

Непреодолимой преградой возник следующий турникет. Очередь к автоматам для покупки билетов, ехать по Тройке – дороже. Опоздать на пару нельзя: защита проекта всё-таки. Сегодня придётся выжить без кофе. Хотя бы до перерыва.

Кое-как втиснулись в переполненный вагон. Улыбнулась удача – спустя станцию умудрились сесть на освободившиеся совсем радом места. Алиса прикрыла глаза.

Народу тьма, не двинешься с места. Третья электричка за час – добирается окольным путём. Только бы успеть. Алиса не переживёт, если она не успеет. Страшно даже ды-

шать – при такой жаре любое движение отзывается водопадом брызг со лба, а с ними уходит драгоценная прохлада.

Наконец – станция. Слабый ветерок тревожит волосы, куда дальше? Идёт за толпой. Турникеты. Билет. Где, где билет? Лезет в маленькую чёрную сумку через плечо. Там негде потерять, но она, кажется, справилась. Что если теперь не пройдёт? Всё было зря?

– И почему я не удивлён?

Голос. Над самым ухом. Как она не заметила? Чертов билет!

“Может, не мне?”

Нет, этот голос узнает из тысячи. Самодовольный, низкий – до самых глубин живота – спокойный. Надо поднять глаза. «Только не дёргайся. Не показывай, как рада. Не показывай, как бошься. Простое действие. Ты делала это сотни раз»

– Алис! Алииис…
Щелчок.

Вздрогнула, забегала по стенам глазами.

– Прости, не хотел пугать. Ты уснула, кажется. Наша – следующая.

– А, да, спасибо. Задумалась.

Людской поток размеренно, мягкими волнами напряжения, перетекал из дверей метро на эскалатор, поднимался по нему, будто сопротивляясь силе тяжести и извергался в ртутно-серый дождливый воздух.

Слева кто-то пихнул, дёрнув за сумку, и умчался выше – ну да, не все попадают под гипнотические ритмы утреннего метрополитена. Кто-то должен жутко опаздывать.

В голове почему-то всплыл вечно тревожный белый кролик с маленькими часиками на цепочке. На противоположном эскалаторе что-то блеснуло. Снова привиделась нагловатая и дружелюбная полуулыбка. И светлые глаза. Только не рассмотрела – какие. *"Идиотка, ты линзы надеть забыла. Ты не то, что глаза не рассмотришь, транспарант не заметить можешь".* С такого расстояния внимание и правда мог привлечь разве что двухметровый оскал. Но она же видела…

– Ну вот и Чеширские коты подтянулись. Пора идти войной на Красную Королеву. Ну или хоть гусениц с их мухо-

мором разыскать…

– А?

– Не, не бери в голову. Вспоминаю детские сказки.

Проект защитили успешно. Вот теперь можно и оверпрайс кофе выпить. Спустились в кофейню на первом этаже, пока стояли огромную очередь, заметили столпотворение однокурсников в углу за огромным столом. Дождавшись заказ, подошли узнать, в чём дело – может, новости про предстоящий мидтёрм подвезли. Но нет. На столе стоял торт, и толпа однокурсников спинами закрывала зажжённые на нём свечи. Оставалось надеяться, что не сработает пожарная сигнализация.

Отсидев пары, вместо отправились за подарком в ближайший ТЦ. Об однокурснице знали мало, так что результатом длинного путешествия по этажам стеклянных магазинов стал банальный сертификат в Золотое Яблоко, на который скинулись пополам.

Марк оказался забавным. Рассказал про современных композиторов и оппозиционных депутатов. Алиса, честно говоря, не думала, что те и другие вообще существуют. В метро пришлось прервать диалог – слишком уж шумно.

Чёрт бы побрал эти турникеты с их бумажными биле-

тами. Алиса продолжала потрошить сумку, глупо надеясь, что он просто исчезнет. Она была уверена, Кай так может – он вообще похож на мираж: слишком нереальный для этого мира.

«Нет, пусть только не исчезает».

Билет будто сам прыгнул в руку из бездны кармана. Алиса сжалась. Вот сейчас.

«Плавно. Просто плавно. Улыбнись».

Взгляд точь-в-точь как голос. Такого не бывает. Таких пишут в романах, снимают в фильмах. Стоит лениво-пафосно, ждёт. Её ждёт.

– Алис!

– М? – Подняла голову. Поняла, что уснула на плече Мрака. – Ой, извини, пожалуйста.

– Да ничего. Скоро просто выходим. У тебя всё хорошо?

– Да. Да, просто сегодня не выспалась.

– Бывает. Точно хочешь на день рождения?

– Ага. Неделя выдалась трудная, сегодня очень хочется выпить.

Расстались у лифтов, договорились встретиться у име-

нинницы. Душ, взгляд на шкаф с платьями – всё-таки лень. Джинсы, худи. Можно идти.

Мир тесен, общага заселена так, что пустые бутылки падают разве что за батареи. Неизвестно, как в эту комнату впихнулось полкурса. Именинница оказалась жутко популярной. Ну или просто крайне общительной.

Дешёвый алкоголь водопадом льётся по пластиковым стаканчикам. Общие темы быстро закончились, по углам образовались компании. Алиса примкнула к ближайшей. Обсуждение финансов скоро сменилось игрой в Правду или Действие. Алиса в игре постоянно проигрывала, и следующую часть вечера рассказывала истории на каждый отдельный случай.

На вине, очевидно, сэкономили. После четвёртого стаканчика, Алиса потеряла координацию, желание общаться и жить. Забилась в какой-то одинокий угол, там и нашла Марка. Тот сидел наедине с бутылкой виски, которую уже победил на две трети.

– У тебя всё хорошо?
– Не выспался.
– Очень смешно.

Марк протянул ей бутылку. Стаканчиков рядом не наблюдалось.

Билет скомканный, не лезет в отверстие. Наконец – прошла. Барьера больше нет. Запнулась.

Приобнимает за плечи, отводит в сторону. Пара шагов от неё. Чирк зажигалки, дым поднимается к небу. Алиса терпеть не может табачный дым. Терпеть не может курящих рядом. Но ему так идёт, будто если протащить сквозь тонкие пальцы эту горящую палочку, образ рассыплется, и он сам обратится в дымящийся на асфальте пепел.

Стоит будто в профиль, свободной рукой проводит по волосам. Алисе вдруг ударяет в голову Маяковский. У них нет ни грамма внешнего сходства, но её вдруг придавливает тяжестью ассоциаций.

К горлу подкатил ком. Пожала плечом и глотнула коньяк из горла. Жидкость обожгла горло. Горько, невкусно. Поморщилась. Глотнула ещё раз. Вернула Марку бутылку.

– Не нравится?
– Я к крепкому не привыкла.

Марк наклоняет голову и вливает в себя коньяк как спортсмены воду в рекламе. Алиса удивляется, как его тон-

кое тело столько вмещает.

– А я вот успел.
– Неудачная сессия?
– Жизнь.

Пошлость драматизма можно списать на отвратительный рыжий цвет общажных стен. Не снимают в таких декорациях гениальные фильмы. Забралась на кровать поглубже, обняла колени руками. «О чём был бы мой фильм? Снимают ли вообще про таких что-нибудь?»

– Она меня не простит?
– Кто?
– Лера.

На вопросительный взгляд Марк не ответил. Видимо, Алиса должна была её знать. Но учёба в ковид не отличалась плотностью контактов с однокурсниками – не всех знала даже по именам, кого-то может и не видела никогда.

– Ты знала, что сон – это социальный конструкт?
– Что?

Марк вскочил и поднял вверх бутылку с тонким слоем коньяка.

– Сон – это социальный конструкт!

На них уставилась добрая треть комнаты. Остальных ничего особо не удивило. Неясно, к чему Марк призывал предполагаемую толпу за своей спиной, но вывод напрашивался один – без посторонней помощи мимо охранника ему не пройти.

В соседнем корпусе из тех, кто не разошёлся раньше, жили только они вдвоём. Марка поставили поровней, на Алису накинули вторую кофту и втолкнули обоих в лифт. Кнопку первого этажа, тридцать метров прямо, поворот, охранник, добрый вечер, поворот, ещё пятьдесят метров в другое прямо, лифт, нет, не тот этаж, о, дверь наконец-то. Алиса усадила Марка на кровать, убедилась, что тот не падает и собралась уходить.

– Я виноват.
– Нормально, со всеми случается. Тебя не тошнит?
– Ты не понимаешь. Я так виноват!

Постаралась вздохнуть незаметно – часы до нового to-do листа засеменили подозрительно быстро. Марк, казалось, и не заметил.

– Так мне и надо. Но я же… Я не хотел, я…

Комната навевала мысли о каком-нибудь грустном второсортном сериале: вещи свалены в кучу, тут и там виднеются коробки от пиццы, салфетки какие-то: будем верить, учебные записи.

– Она меня не простит.
– Да за что?

– Не скажу. Это наше личное дело.
– Ладно. Давно вы поссорились?
– Ещё в декабре.

Это многое объясняло. За неделю комнату так не убьёшь.

– А что сегодня случилось?

– Я всё ещё её люблю. И она была сегодня на дне рождении. Я думал, меня отпустило. Но её этот взгляд… Будто мы снова в том дне.
– Мне кажется, я тебя понимаю.

Глава 4

Эта ночь определённо их сблизила. Марк теперь говорил

про Леру каждую встречу, и Алиса уже сама захотела с ней познакомиться. Но что-то будто никак не могло состыковаться. Выскальзывало прямо из-под носа.

Поэтому просто слушала. Было в его рассказах что-то цепляющее. Будто, если дослушать их до конца, сможешь решить загадку. Что-то поймёшь про себя.

Марк нравился Алисе как персонаж. Этим званием она нарекала тех, чьей глубины как раз хватило бы для героя какого-нибудь фильма или романа. Нравился как компания для учёбы и прогулок. Нравился как собеседник – он много знал, любил спорить, приводя в качестве аргументов статистику и исследования, а кроме того умел глубоко копаться в собственных чувствах. Чем-то напоминал Алисе Кая. С другой стороны, последние пару недель Кая ей напоминало практически всё. Только вот полностью вспомнить она его не могла. Неясные обрывки всплывали в сознании в самые неподходящие моменты и поражали своей яркостью. Казалось, в каждом из них Алиса была беспросветно счастлива.

Вальс в осеннем парке под скрипку какого-то дедушки. Грубая куртка, накинутая на её плечи около того самого озера. Ночные вылазки на кухню за ужином. Книжка, прочитанная по ролям. Фильм в обнимку на узкой общажной кровати. Бутерброды в микроволновке. Ёлка, украшенная всякой

мелочёвкой, даже отдалённо не напоминающей новогодние игрушки.

У Алисы был вкус. Она понимала, что всё это выглядит как дешёвый клишированный ромком. И ничего не могла поделать с наползающей на лицо улыбкой. Куда всё это пропало? Алиса не помнила.

Сколько не напрягала мозг, не могла специально воскресить в голове ни одного эпизода того периода. Но в моменты прозрения видела всё будто бы наяву. Да и когда с Аней гуляла, легко вспоминала истории. Но специально – никак.

Когда апрель подошёл к концу и тепло разлилось маревом по Москве, Марк понравился Алисе ещё сильнее: с ним можно было часами гулять по улицам столицы, рассматривая архитектуру, шутить дурацкие шутки, готовиться к экзаменам, по пятнадцать раз фотографировать одно и то же небо над рекою и ходить по музеям. Марк любил картины и музыку. Алиса и там, и там была безнадёжным обывателем и таяла на месте от тех, кто в этом что-нибудь понимал.

– Ты закончила?

– Почти. Пара абзацев, и погнали.

– Сёрф закрывается через тринадцать минут. Может, сохранишься и пойдём?

– Да нет, я успею. Не мешай только.

Марк пожал плечами. Потом покрутил – одним, вторым, обоими – с приближением сессии ты словно прилипаешь к ноутбуку, становишься с ним одним целым. Буквально: руки замирают в одном положении, пальцы двигаются отлаженно, безошибочно, будто крутятся на подшипниках и управляются миллионами рычажков.

Марк встал, потянулся, ознаменовав конец работы и полез под стол – выдёргивать зарядку из гостеприимной розетки кофейни. Алиса сосредоточенно, будто лыжник на финальном кругу, смотрит в экран, отбивая чечётку на клавиатуре. Решающая гонка перед сдачей эссе. Сколько гениальных мыслей приходило в эти минуты. Сколько из них не было записано…

Марк медитативно убирал стол. Стакан в стакан, снять крышку, смять обёртку, – пальцы живут своей, отстранённой от суматохи разума, гармоничной жизнью, – сложить мусор в стаканы, туда же – крошки от одного сэндвича на двоих: атмосфера атмосферой, а стипендия ниже всех мыслимых минимумов, не то что прожиточного.

Пальцы. Пальцы Марка – произведение искусства. Тонкие, длинные, гибкие. Они двигаются так, что у Алисы не

хватает слов их описать – не дирижёр, не балет… Что-то не от мира сего. А разве могло быть иначе? Не имело права.

Впервые эти пальцы Алиса заметила в ту самую ночь, когда вела его пьяного через пост охраны. Не сразу, конечно – они как-то затерялись в бардаке его комнаты. Вообще, Алисе чужой бардак нравился – он многое говорит о человеке. Это не просто разбросанные вещи. Это человек чем-то увлёкся, и забыл, что выходить через минус полчаса; сидел допоздна и уснул за столом; мучительно выбирал ту самую вещь, выкидывая из шкафа всё, что мог, и на уборку не осталось ни минуточки; бросил, потому что отвлекли; отвлёкся, потому что не может бросить.

– Успела.
– Молодец, а теперь давай быстрее, а то нас тут закроют.
– Если бы…

Вышли в май.

– Давай длинным путём?
– Не опоздаем? – Марк для порядка включил внутреннего душнилу, но послушно направился в противоположную от ближайшего метро сторону.
– Куда нам опаздывать?
– Утром завтра. Нам на коллоквиум, если ты вдруг забыла.

Длинный путь представлял из себя набережную с гитаристами на каждой скамейке, запоздалых скейтеров, теряющихся в темноте парка, мост с жёлтыми укреплениями – опять забыла, как он там называется, – рыжие огни в тяжёлой, ртутно-смолянистой воде и медленно остывающий прожаренный воздух. Жара такая, что то и дело вспоминается Михаил. То Булгаков, то Берлиоз, от и вовсе архангел. Поневоле внимательней всматриваешься во всех незнакомцев в костюмах (главное – в обед в Сити не соваться), дёрганно реагируешь на стук трости в метро: мало ли какой дедушка устоит варьете?

– Тебя правда сейчас коллок волнует? Помнишь "Паровозик из Ромашково" – был в детстве такой мультик про паровоз-буддиста. Вдохни сирень и расслабься.

– Там не было про сирень…

Алиса мотнула головой и рассмеялась. Ночная Москва снимала напряжение и пьянило как вино. *"Сказала бы, что хорошее, но хорошего ещё не пробовала".* Запрыгнула на бетонное ограждение, раскинула руки и пошла, чуть пошатываясь. Марк посмотрел взглядом "упадёшь – я плавать не умею и даже звать никого не буду" (хотя – конечно – обязательно будет), и Алиса спрыгнула на землю необетованную.

– До сих пор понять не могу, чего они Сёрф круглосуточным не сделают. Там же никто всерьёз не отдыхает – одни студенты, фрилансеры и студенты-фрилансеры. И почему метро закрывается на ночь? Время ещё такое странное выбрали. Я раньше думала, что оно всегда работает – Moscow Never Sleep, все дела. А потом искала, где ночевать.

Марк снова пожал плечами. Это, кажется, его любимый жест. Алису бесило. Добравшись до общежития, разошлись спать. Не успела смыть макияж, как друг написал снова.

– Привет, ты занята?

– Если ты тонешь или только что заказал самолёт на Мальдивы, то нет. А так у нас завтра коллоквиум, ты сам говорил.

– Что там про паровозик? Вдохни сирень, расслабься и приходи. Если есть что-нибудь алкогольное, захвати, пожалуйста. Я тону. В своей голове.

Закатила глаза. Сколько пафоса… *"Ты свои дневники видела? Кто бы говорил"* Внутренний голос – всегда поддержит. Как русский язык – «во дни сомнений, во дни тягостных раздумий…» Потрясла головой. И зачем эти строчки в пятом классе так вдалбливают? Не стихотворение, не проза. Ничего, по сути, и не сказал. Как будто хотел что-то написать, но времени не было. Накарябал пару строчек, надеясь, что потом вспомнит о чём, и забыл – у Алисы половина за-

меток в телефоне так и зависла.

Осмотрела мини-бар "на случай апокалипсиса" на подоконнике.

– Чай есть с ромашкой. Тебе подойдёт.

Отложила телефон, просунула голову в толстовку. Телефон просиял снова. Рукав. Второй.

– Чай и у меня есть. Не бери.

Лифт, охранник, "доброй-ночи-да-учусь", пропуск, коридор, лифт, третья комната направо.

– Ну выкладывай.

– Я песню написал.

"Оооо, а вот это уже интересно"

– Я Лере её посвятил.

"Да кто б сомневался. Вообще, хорошо, что его потянуло куда-то кроме бутылки".

– Сыграешь?

Играл Марк превосходно. Алиса в музыке не разбиралась, но в Марке не сомневалась.

– Круто. Я понятия не имею, как правильно описывать музыку, но это – круто.

– Спасибо. От тебя это сойдёт за развёрнутую рецензию. Как думаешь, Лере понравится?

Алисе показалось, что кому угодно понравится. Хотя, может, ей просто не с чем было особо сравнить. Марк так хорошо вписывался в образ музыканта, что иногда казалось, будто он сошёл со страниц "Чёрного человека". Возможно, поэтому от него веет богемой и непроходимой депрессией. Во всём этом идеальном соответствии была лишь одна неувязка.

– Слушай, почему ты до сих пор не в филармонии?

– Буду считать, что это комплимент.

– В первую очередь, вообще-то, вопрос. Как тебя к нам занесло? И, главное, зачем?

– Не знаю. Все побежали, и я побежал. Высокие баллы, олимпиады, индивидуальные достижения – в школе всё как-то легко давалось. Я проходил без отбора даже. Все вокруг говорили, что престижный ВУЗ, лучший факультет. Ну я и пошёл.

– А сам ты чего хочешь?

– Виски. Можно с колой.

Алиса молча подвинула к нему кружку чая. Помолчали.

– Я сочиню ей целый альбом. Запишу на студии, найду лейбл. Его заметят, а я напишу… Нет, лучше скажу в каком-нибудь прямом эфире… Скажу, что посвящаю его Лере. Она всё поймёт и простит меня.

– Мечтать не вредно, вредно не мечтать.

Алиса медленно покачивалась на не очень надёжном стуле.

– Думаешь, не простит?

– Я про прямой эфир. Есть план альбома?

Марк встал, чуть не запутавшись в проводах – обидно было бы потерять юное дарование из-за сотрясения мозга – и вытащил из-под полупустой пачки чипсов заляпанный чем-то жирным блокнот.

– Ну смотри… – Марк набрал воздуха и вдохновенно тыкнул пальцем в ноты.

– Мне бы это… на человеческом. Я из всего этого знаю только названия.

Выдохнул. Несколько более шумно, чем предполагал такт.

– Эта мелодия будет лёгкая, воздушная и почти негруст-

ная. А вот эта, – Марк перелистнул страницу, – этой я ещё не придумал название, но она должна быть очень громкой, динамичной, злой, а потом резко сорваться в отчаяние. Не могу никак этот обрыв придумать.

– О, интересно. А какая за этим история?

– Ну очевидно же: мои чувства к Лере.

– Чувства – это хорошо, но альбом, кажется, должен выстраиваться в какой-то… Рассказ? Ну как в операх есть либретто, которое поясняет, что за дичь там творится, и что всем этим хотел сказать автор.

Марк нахмурил своё почти кукольное лицо и манерно откинулся на стуле. Потянулся за электронкой, втянул воздух. Та жалобно замигала. Поморщился.

– Закончилась. У тебя нет?

– Ты же знаешь – я не курю.

Настенные часы мерно тикали, медленно, но верно приближая полночь. Как метроном. Метроном – это вообще-то тоже своего рода часы. Губы вдруг тронула улыбка, через секунду медленно сползшая с лица. Неясные чувства.

– Я вообще не думал про историю, но это имеет смысл. Но на это нужно вдохновение…

– На это нужны идея и базовое понимание драматургии.

Идея у тебя уже есть. Правильно?

– Да. Это должно быть извинение. Я должен объяснить, что просто не справился с чувствами. Что я её люблю.

– Окей. Тогда давай подумаем, как обставить. Нужно начать с чего-то радостного: нарисовать ясное небо, посреди которого ты потом вставишь гром. Представь, что вы гуляете по парку. Вокруг золотые листья, она в лёгком плаще. Держитесь за руки, ещё не завалены дедлайнами по горло…

– Ты делаешь мне больно.

– Не бойся, так и должно быть. Всё под контролем.

Алиса укусила ручку за колпачок. Немного подержала во рту.

– Потом тема счастья продолжается, но к ней примешивается что-то тревожное. Звоночки же всегда есть: тучи там сгущаются, лицо кривится – не бывает просто так ни грозы, ни ссоры.

Марк явно не был в восторге, но продолжал слушать, манерно откинувшись на спинку кровати. Прекрасно знала эту позу-обманку: спрятанный за вальяжностью страх.

– Окей, едем дальше. Убираем тревожность – нам всё-таки нужен элемент неожиданности. И когда слушатели долетели до седьмого облачка, резко вставляем наш условный гром. Это ваша ссора. Но там ещё можно что-то спасти. Зон-

тик там принести, грозу переждать, к друзьям постучаться – не знаю.

Марк рефлекторно пожал плечами. Кажется, ему не очень нравился скачущий уровень абстракции. Алиса не замечала.

– Так вот. Дальше… что-то вроде метели. Две темы: твоя и её – каждая перетягивает на себя, звучит всё громче, громче.... Это всё как будто сплетается в воронку урагана и уже не разберёшь, где кони, где люди, где шутки, где любовь.

Марк снова потянулся за издыхающей электронкой.

– Потом всё стихает. Что-то робкое, грустное. Ты осознаёшь, что произошло. Пока – не до конца. Учишься жить без неё.

– Я не могу жить без неё!

Алиса окинула комнату взглядом.

– Вижу. Дойдём и до этого. Собственно, учишься жить без неё, но не выходит. Это я не знаю, с чем сравнить – сам придумаешь: твои же, в конце концов, чувства. Потом ты начинаешь злиться, решаешь бороться, бьёшься, но понимаешь, что бесполезно. Вот от первой композиции к последней и пришли.

Марк молчал.

– Супер?

– Нет.

Алиса потерялась. Хотела изобразить картинное негодование, но Марк спохватился:

– Нет, идея супер. Ситуация просто – нет.

Мир вернулся в прежнее русло.

– Ну, тут ничем помочь не могу. Я пыталась.

– Да знаю. Спасибо.

Отвернулся.

"Ему бы во МХАТ…"

– Слушай, а откуда ты всё это знаешь? Не замечал, чтоб ты писала что-то длиннее сообщения.

– Ну, сторителлинг он везде одинаковый. В презентациях там, в рекламе… Ну и я когда-то немного писала.

– А сейчас – нет?

– Давно уже нет.

– Почему?

– Не знаю. Ничего особенно в жизни не происходит. Вдохновение брать неоткуда.

– Наверное, так даже лучше. У меня вдохновения много, а желания жить – не то чтобы.

– Наверное, лучше. Только вот скучно.

И всё-таки Алису жутко волновала личность Леры. Все приметы у неё были, но никак не складывался образ реального, цельного человека. Больше похоже было на призрачные воспоминания из сна или хорошую работу монтажёра. Как-то ночью Алиса прошерстила чат курса и списки студентов. И не нашла совпадений.

– Слушай, а Лера ведь не с нашего курса?
– Она младше на год.
– А я её могла видеть?

– Могла. На дне рождении.

Алиса задумалась, пытаясь вспомнить хоть одну девушку, подходящую под описания. Не получилось. С другой стороны, в комнату набилось человек тридцать, а Алису занимали внезапно возникшие призраки прошлого и вино.

Качнулась вперёд с намерением встать. Всё-таки, завтра коллоквиум.

– Стой! – Рука с идеальными пальцами легла на колено. – Сиди, в смысле. Почитаешь, что ты писала?
– Искать надо. Да и поздно уже. Давай в другой раз как-

нибудь.

Попрощались. Алиса уже дошла до двери и положила ладонь на металлическую ручку, когда Марк снова её окликнул.

– Последний вопрос.
– Да?
– Ты мне так и не ответила. Она ведь меня простит?
– Почему она должна это сделать?
– Я посвящу ей альбом. Я ради неё на всё готов.
– Она ведь тебя бросила не потому, что у тебя альбома не было. Не потому, что ты недостаточно успешный – и за такое бросают, но обычно не в нашем возрасте. Она ушла, потому что ты плохо с ней обошёлся.

Марк заёрзал, явно прилагая усилия, чтобы не перебить Алису очередным потоком не очень связных раскаяний на эту тему: из раза в раз ничего не менялось.

– Подожди. Я тебя не виню. Не пытаюсь вынести приговор. Я до сих пор не очень поняла, что случилось, да и люди бывают разные. Так или иначе, ей важна уверенность, что больше ты с ней так не поступишь. Вопрос не прощения, а доверия. После некоторых вещей ты просто неспособен больше доверять человеку. Даже если очень хочется…

С минуту смотрели друг другу в глаза. Давно пора повернуть ручку и выйти за чёртову дверь.

– Знаешь, – Алиса взяла со стола блокнот, покрутила в руках. Пошарила по столу в поисках ручки. – В конце должно быть что-то ещё. Ты признал, как тебе плохо. Показал, что не можешь выбраться. Посвящаешь это ей. Как будто бы обвиняешь в своём состоянии.

– Я не обвиняю. Просто не знаю, что дальше.

– Я тоже не знаю. Но что-то точно должно быть.

Глава 5

За разного рода драмами как-то упустили приближение сессии. Марк увлёкся альбомом и почти перестал появляться на парах. Алиса решила прислушаться к старому советскому «это всё от безделья», и в качестве эскапизма углубилась в учёбу. Экзистенциальные вопросу могут и подождать, а вот на пересдачу попасть не хотелось. Совмещать третий курс с преподаванием оказалось не так-то легко.

Приехав однажды с занятий, выписала всё, что нужно сделать за оставшийся месяц. И подумала, что пора отчисляться. Шансы закрыть эту сессию казались призрачнее её же воспоминаний.

Чат курса внушил оптимизм – настроения там ходили упаднические. *«Всех не отчислят»* – решила Алиса и всю следующую неделю – со всей силой неверия хоть в какой-то успех – разгребала завалы эссе, статей и статистических методов. Ровно в 8:00 открывала глаза, отклеивала себя от кровати, приводила в такой вид, чтобы мимо проходящие люди не пугались, что пропустили новость о зомби-апокалипсисе. Ехала в универ. Сидела до поздней ночи. И всё равно всё сдавала впритык. К четвергу чувствовала себя абсолютно измотанной и уснула прямо на паре.

– Шашлык?

Влад, как всегда, появился неожиданно и эффектно.

Первый курс. Сентябрь. Физкультура. Минут пятнадцать, как «профессор» отошёл позвонить. Стоять в нестройном ряду становится всё скучнее и жарче: познакомиться ни с кем толком ещё не успела. Идея начать диалог с соседкой по несчастью вопросом «а ты откуда приехала?» уже не кажется такой идиотской.

Что-то кубарем бросается под ноги. Не успевает Алиса испугаться, как клубок разворачивается в худое и длинное. С хаотичными мелкими косичками в волосах – из них виднеются бусины и, кажется, цветные нитки. Подумала было о

хиппи, но из кувырка нечто выпрямилось в стойку, подозрительно напоминавшую боевую. Драться Алиса сегодня никак не планировала.

– Владлен.

Существо протягивает руку и, зацепившись взглядом за потасканную рыжую кофту поверх спортивной формы, Алиса узнаёт в нём будущего однокурсника. Год обещает быть интересным.

Рассудив, что немного хаоса в жизни ей сейчас не помешает, Алиса уточнила единственную существенную деталь:

– Когда?
– В воскресенье. Подробности позже.

В пятницу продолжилась череда счастливых случайностей. Семинар, грозивший задержать Алису в университете до сумерек, вдруг отменили.

Месяц выдался предательски тёплым и солнечным, и упускать возможность впитать в кожу немного этого солнца Алиса не собиралась. Наконец можно сбросить с себя десять слоёв одежды, а под кроссовками мелькает сухой и пыльный асфальт. Хочется идти на все четыре стороны сразу. Жела-

тельно, с кем-нибудь. Марк опять не почтил пары своим присутствием, благоразумные однокурсники остались готовиться к ближайшему экзамену, сумасшедшие уже вышли на стажировку и с дымом телепортировались между офисом и университетом. Алису они заставляли немного комплексовать.

– Ань, пойдём гулять?
– Прямо сейчас что ли? Ты снова на сборах?
– Нет, в центре сегодня. Приезжай на Китай-город?
– Кинешь денег на электричку?

«Интересный сервисный сбор». Сама не была особо богата, но уже не помнила, когда собирала денег на проезд. Всегда каким-то неимоверным образом тратила больше, чем зарабатывала, не влезая при этом в долги. Приняла как супер-способность. *«Должна же хоть в чём-то я быть особенной!»*

– Ты совсем отмороженная? – Аня окинула её недоверчивым взглядом.
– Правильно говорить «морозоустойчивая». Я с Севера!
– Ты даже не с Урала.
– А ты подозрительно хорошо для Москвички разбираешься в географии.
– Ладно, замёрзнешь – кофтой делиться не буду, это не в моей компетенции. Куда пойдём?

– Есть какая-то разница?

В сотый раз изучая тропы Зарядья, забрались на декоративную насыпь. Уставились на закат. Перед глазами горели далёкие купола, плавился яркими красками мост.

– Помню, как пыталась дойти от Площади Трёх Вокзалов до Парка Горького. Потерялась и ноги стёрла об неудобные кеды, рюкзак отдавил все плечи. Дошла до этого же места, а там – закат. И сразу жизнь вполне такая приемлемая.

Алиса сама не поняла, зачем поделилась воспоминанием. В последнее время начала нездорово внимательно к ним относиться.

– А зачем ты пешком шла?
– Да там случайно получилось.
– Как можно случайно пройти через половину Москвы?

Алиса крепче обняла колени и откинула голову назад, подметая гравий волнистыми волосами. Посмотрела на небо, будто чему-то молилась и резко повернулась обратно, самодовольно улыбаясь.

– Для меня нет ничего невозможного!
– Вещай уже.

– Денег на проезд просто не было.

– А пафоса-то…

Алиса рывком поднялась и мелко запрыгала, отряхивая с юбки песчинки белого камня.

– Если честно, я даже не думала, что ты приедешь. Конец года, все заняты жутко.

– Да у меня учёба почти закончилась. Последние правки в диплом вношу, научник говорит, что защита должна пройти хорошо.

– Боже, только не напоминай про диплом, – Алиса состроила страдальческую мину. – Нам нужно выбрать тему до сентября, а у меня даже думать про это моральных сил нет.

– Да ладно, отдохнёшь за лето, там и подумаешь.

– Летом бы стажировку надо искать…Ты, кстати, после диплома куда?

– Дальше учиться. Кому я в науке без магистратуры сдалась?

На Театральную вышли в сумерках. Немного подняться по тротуару, и вот уже сверху свисают знакомые гирлянды. Побродили между огней кофеен и закоулков, в которых концентрация искусства превышает всякие нормы приличия. Играли и пели сносно – Алиса по традиции послушать. Играли самые попсовые из уличных песен.

Подбежала девочка с шапкой. Помотали головой – нет налички. Девочка с готовностью тыкнула себе в грудь. На кофте криво висел бейджик с реквизитами для перевода на Сбер.

– Ещё QR есть… – Девочка полезла за чем-то в карман.

Стало неловко. И немного жалко девочку. Всегда интересно, насколько сильно нужно любить кого-то из музыкантов, чтобы по три часа приставать к прохожим с просьбой скинуть немножечко денег. Денег на благотворительность, правда не было: заработок со сборов давно растворился в суете дней, репетиторство в мае спросом не пользуется, а впереди ещё целое лето. Закинула сотню. Аня, поколебавшись, сделала то же самое.

– Да ладно, могла и сэкономить, – об Анином финансовом положении ходили легенды. – У них же не подушевой налог.

– Ну, я, в целом, теперь работаю.

– Где?

– В канцелярии Физтеха. Перекладываю бумажки. В прямом смысле этого слова. Мою работу мог бы выполнять робот, но робот стоит дороже, чем я.

– А денег на электричку ты у меня попросила…

– Я за перераспределение. Ты богаче меня, я богаче музыкантов. Принцип Робин Гуда, понимаешь.

– Да. Осталось найти кого-то реально богатого.

Заплатили, можно и насладиться. Алиса плавно поднимает руки, двигает бёдрами. Мир вокруг исчезает. Остаются тело и ноты, будто ничего в мире больше и не было. Выхватывает из небытия ещё одну руку, втаскивает Аню, закручивая к себе, обнимает за талию: не зря учила вальс на обе роли – в любых социальных танцах на десять девчонок по статистике три с половиной калеки. Остановились, смеясь. Чуть не упали от головокружения. Запыхавшиеся, весёлые и счастливые. Кажется, собрали даже пару довольных зрителей: главное не думать, чему конкретно они улыбаются.

В памяти всплыл театрально-средневековый поклон, сделала «эть», схватила подругу за руку и потащила в ближайший переулок. Тут же наткнулись на странный дешёвый бар, где на Хэллоуин самого первого курса в таком же порыве вдвоём танцевали прямо на стойке – благо, правила клуба не запрещали. *«Интересно, сколько людей свалились оттуда за бар?»*. На их глазах одно такое счастье бармену уже привалило – так и накачаться можно, пока ловишь девиц.

Парней на стойку не пустили, те слегка осуждающе наблюдали снизу. Пили дешёвый виски за столиком и делали вид, что всё происходящее их никак не касается.

Алисе показалась, будто в воспоминании мелькнуло его лицо. В темноте клуба, искажённое цветными бликами света, но всё-таки узнаваемое. Впервые за эту весну с её странными неуместными флэшбэками. Попыталась прокрутить воспоминание назад, но лицо тут же пропало. Размытые очертания, отдельные части – светлые глаза, ухмылка, кажется, скула., изгиб спадающей на глаза пряди. Детали упрямо не складывались в образ. Прямо как Лера по описаниям Марка. Алисе начинало казаться, что у неё какие-то проблемы с абстрактным мышлением.

Стемнело. Спустились в метро. Три станции, Белорусская, прохладный вечер, билет, пути электричек, дальше – в разные стороны. Пора расставаться. Алиса снова не нашла случая задать тот самый вопрос. Последний шанс. И совершенно непонятно, как сформулировать.

– Слушай, а тебе Владлен не писал тут недавно?

– Про шашлыки?

– Ага.

– Писал. Так что в воскресенье увидимся. Там, кстати, все наши будут.

Алиса надеялась и почему-то немного боялась, что «все» – это действительно все.

Глава 6

Выезжать собрались с Тимирязевской: до конечной на раздолбанной электричке, после – автобус. Пригородный магазинчик и пешком до дачи. Часа два с половиной в пути, не считая дороги до станции.

Закинула в рюкзак овощи, благостным случаем оказавшиеся в холодильнике: весна, птички, правильное питание. Специально покупать бы не стала, но когда ж пацаны заботились о чём-нибудь кроме мяса? Привычный путь до станции МЦД, по пути – заскочила за кофе. Наконец продают холодный – явный признак надвигающегося летнего безделья. Повезло попасть на аэроэкспресс – можно доехать с комфортом. На автомате в метро и до станции. Приехала раньше положенного.

Одна из немногих станций, которых почему-то не коснулись изменения всей ветки хвалёных диаметров. Дощатый покров, уходящий в неведомые дали грязных холмов, за которыми виднеется вход в метро. Во времена первого курса Аня показала ей путь в обход турникетов и касс: лишними пятьдесят рублей не бывают. Дойти до конца платформы, присесть на корточки и – опершись ладонью – спрыгнуть с полутораметровой высоты. Удержаться на вечно скользящей глине, ухватиться за голую колючую ветку куста, поставить

ногу в секретную выемку и, филигранно перенеся вес, наконец забраться на горку. Потом каких-то десять минут пути по пустырю, прыжок через ограду, и вы – восхитительные, грязные и уставшие – вышли к станции метро. Забавный опыт. Повторять не хотелось.

Помотав головой, знакомых лиц не обнаружила – друзья всё ещё барахтались где-то в окопах метро. Алиса смахнула воображаемую пыль со столбика навеса и прислонилась спиной. Солнечный день повис над станцией огромной тучей из безысходности. Подгнившие доски и пейзаж вечной стройки на пустыре по обе стороны от путей раскрасили небо в особенно серый оттенок.

Вокруг кипит какая-то странная, неприкаянная жизнь: никакой суматохи, но всё кувырком. Старушка гремит котомкой, всунутой на голый железный каркас с дребезжащими по доскам колёсиками. Идёт медленно, немного кренясь то в ту, то в другую сторону. Проходит мимо завораживающе уродливо: невозможно оторвать взгляда от потухших глаз на не таком уж и старом, но опустившемся, выцветшем лице. Пустые зрачки, разваливающаяся походка. Мерное дребезжание колёс. Ей спешить не то чтобы некуда, но, кажется, абсолютно незачем. Прогремев на прощание тележкой, женщина скрылась за турникетом.

Рядом со станцией мужчина – разменял четвёртый десяток, за душой три кредита и ипотека на две тысячи лет. Нигде не написано – просто навскидку. Тоже никуда уже не торопится. В руках бумага «В отчаянии» и грустный смайлик внизу. Даже без призыва помочь деньгами. Просто в отчаянии. И вроде не старый ещё, и неизвестно откуда это смирение перед дощатой платформой и дребезжанием чьих-то колёс. Идеально дополняет картину станции – никем не замеченный, слившийся с серым пейзажем.

Дети – вечный источник радости – носятся вокруг оборванной визжащей стайкой, и даже в них, символе новой жизни и новых возможностей, видится всё та же плотная, напирающая безысходность. Хочется отключиться. Вставить наушники, включить музыку как можно громче. Представить взмывающий ввысь самолёт с его захватывающим и волнующим чувством отрыва от земли в момент взлёта. Сбежать и никогда больше здесь не оказываться. Только не в роли старушки, мужчины с промокшей физиономией грустного смайла в руках и оборванных серо-коричневых детей Московского гетто.

Нащупала спасительный кейс с наушниками. Подняла глаза, готовая погрузиться в Нирвану.

– Алис!

Просияла улыбкой. Навстречу, широко распахнув руки, шёл Владлен. Бросилась навстречу его тяжёлым армейским ботинкам, отбивающим шаг худых ног. Уткнулась куда-то в грудь – никогда не доставала ему до плеча. Кажется, попытался поднять – наивная старая привычка. Каким-то восьмым чудом света снова смог это сделать. *«И где он прячет свои сверхспособности?»* – последнее, кем выглядел друг, так это качком.

– Никого ещё нет. Но до нашей электрички пятнадцать минут – я по расписанию посмотрела. Возможно, успеют.

– Да, Артур написал, что ему до нас один перегон. О, Аня!

Алиса закрыла рот, чтоб не завизжать – подруга бежала прямо через пути. Вдалеке уже различимы огни электрички по той стороне. Минута – и поезд проносится мимо, не подумав затормозить: транзит мелькает вагонами, сметая всё на своём пути. Аня, подтянувшись и выпрямив локти, вскакивает на нужную часть платформы.

– Ты совсем идиотка бессмертная?

– Ну не переплачивать же полтинник за переход.

– Ты безнадёжна…

– Кто б говорил.

Обнялись. Проверили содержимое рюкзаков. У Ани, оказывается, всё это время в общаге валялись щепки и жидкость для розжига. Алиса было засомневалась насчёт срока годности – сколько лет уж прошло – но возражение о том, что спирт и древесина не портятся, приняла как исчерпывающее.

Влад притащил мясо. И мангал – одноразовая тонко-звонкая конструкция из Ленты, неизвестным науке образом пережившая месяц наглой эксплуатации голодными студентами и ещё пару лет пыления на одной из многочисленных полок. Однажды Алисе довелось переночевать у Владлена. Потолки в старой Московской квартире настолько высокие, что антресоли покрывают буквально весь коридор, а вещи с них можно достать из «выпавшей» плитки. Возможно, там и хранился их хромой друг – мангал приходилось подвязывать согнутым шампуром, чтобы тот хоть как-то сохранял равновесие и мясо внутри себя.

– Что ж, не хватает только углей, шампуров и Артура.
– Они идут в комплекте. Кстати, вот и идут.

Парень вышел из недр пропускного пункта станции как раз за те пять минут до электрички, за которые стоило начинать волноваться о судьбе недостающих элементов пикника. Пара лёгких объятий приветствия, рукопожатие и вот уже можно залезть в распахнутую дверь пригородной элек-

трички. Алиса до последнего надеялась увидеть ещё одно лицо, сложить наконец-то паззл из воспоминаний. Надеялась, несмотря на явные признаки законченности компании. Надеялась иррационально, вплоть до скрежета закрывающейся двери пригородного поезда. Каких-то полтора часа, и выход в полную неизвестность. Для всех, кроме Влада, конечно: он снова всё знал наперёд. Алиса уже подумывала называть его Дамблдором.

Весь час дороги в дребезжащем автобусе-буханке, парни пересказывали анекдоты и смущали невольных соседей их выразительностью. Девочки изображали возмущение скабрёзностью содержания.

Остановка на окраине Московской области, убогонький магазин, пыльная дорога, ветвящаяся в подобие перекрёстка и одним из лучей извилисто убегавшая в глубь дачного посёлка. Всё то же серое небо.

В поисках одноразовых тарелок зашли в магазин. Владлен уверял, что где-то в недрах шкафов находятся залежи нормальной посуды, но Аня вовремя уточнила время заброшенности дома – что бы ни стояло на полках до отъезда, отмывать пятилетнюю пыль и вероятный крысиный помёт желанием никто не горел. В процессе покупки тарелок и вилок – к счастью, где-то на дальней полке нашлось и такое чудо

цивилизации – выяснилось, что о соусе никто не подумал.

Задержались у полок с пивом. Артур и Аня – как настоящие физтеховцы – были ценителями и разбирались в ассортименте. Алиса, так и не научившаяся пить эту горькую гадость, пошарившись в холодильнике, вытащила оттуда Гараж. Не традиционно клюквенный, конечно, но на безрыбье и лимонный сойдёт. Владлен пустился в раздумья, но всё-таки достал банку сидра.

– Ты же не пьёшь?

– Кто тебе такое сказал?

– Ты. Последние года четыре.

– Не правда. Я пью, но только хорошее. И по особым случаям. Раз или два в год – вполне допустимо. Бадяги мне и до нашего знакомства хватило.

– Ты уверен, что эта банка стоит потраченного лимита?

– Как знать…

Аня с Артуром распихали скромные покупки по рюкзакам. Алиса предлагала использовать свой, но ей выдали тарелки и сказали не таскать тяжести. Забыто почувствовала себя принцессой. Даже возмущаться не стала.

Аня изящно вклинилась в диалог, толкнув Владлена в плечо:

– Это вообще-то ты нам рецепт рассказал! Всех научил, а сам нос воротит.

– Да говорю же, он дед. Передал младшему поколению и ушёл в сторонку ворчать.

– Да почему опять дед-то?!

Дорога бежала то вверх, то вниз, иногда пропадая в лужах и ямах, размокших от них. С кроссовками явно стоило попрощаться. С завистью глянула на Влада – тот в своих гриндерах чувствовал себя как панк в грязи: абсолютно естественно.

– Пришли!

Владлен повернулся к дряблой калитке и полез рукой в волосы. Пошарившись там, вытащил кожаный мешочек, привязанный к тонкой косичке. Развязал, достал ключ и – будто ничего не случилось – принялся крутить им в поржавевшем замке.

Алиса смотрела молча, немного забывая дышать. Отмерла, когда хозяин участка наконец отпер калитку, приглашая всех внутрь.

– Я извиняюсь, а ты всегда волосы вместо карманов используешь?

– Почему вместо? У меня в карманах лежит много других полезных вещей.

– Действительно… Ты там пистолет не таскаешь случайно?

– Не. А вот топор привязывал на игре, но там железные кольца цеплять приходилось.

– Я отказываюсь это комментировать.

– Да, – Артур, поймав знакомую тему, заметно оживился. – Он там и топор таскал, и игральные кости.

– Кости, кстати, тоже тут где-то были, – Владлен залез в волосы противоположной рукой и вытащил мешочек побольше.

– Так, стоп. У тебя в волосах просто висит мешок с костями? – Алиса в который раз обещала ничему не удивляться, но Владлен опять не оставил ей шансов.

– Он сам – вполне себе мешок с костями, – заключил Артур.

Дом оказался на удивление крепким. Добротный, но, ожидаемо, странный. Он будто бы разросся вниз и вверх из сарая. Чем-то напоминал собственного владельца, как раз расхваливающего подвальную мастерскую. Алиса напросилась туда на экскурсию. Оставив Аню с Артуром реанимировать – если не воскрешать – старый мангал, и вооружившись фонариком, отправились на разведку. Влад надеялся найти там побольше угля: развернув привезённый с собой пакет, обна-

ружили только скорбные остатки.

Ожидания оправдались и уголь в подвале нашёлся. Ещё нашлась куча столярных станков и обрубков деревьев. По стенам развешаны молотки и металлические пластины. Посреди горы возвышается стол. Выхватывая взглядом очередной инструмент в неровном свете фонарика, Алиса радовалась длительности знакомства: обстановка навевала воспоминания о фильмах про серийных убийц.

– Действительно, мастерская… Ладно, давай подниматься.

– Ага. Топор только возьму. Щепок наколоть. А то вдруг их там тоже кот наплакал.

С этими словами владелец дома шагнул вперёд, оставляя Алису практически в кромешной темноте. Фантазия разыгралась против воли. Вспомнился поход на в заброшенную усадьбу. Всё тот же иррациональный, всепоглощающий страх.

Резкий луч света прямо в глаза. Не успела даже испугаться.

– Всё, нашёл. Погнали наверх, нас там уже заждались, наверное.

Стараясь одновременно проморгаться и успокоить скачущее сердце, шагнула вверх по крутой деревянной лестнице. Сзади со скрипом захлопнулась дверь.

Господа Физтехи отличились способностями к экстренной хирургии: мангал стоял, перевязанный знакомым шампуром и поддерживая хрупкое равновесие ещё одним – уже новым.

– Мы уголь нашли.
– Молодцы, засыпайте.

Владлен потянулся к бумажному мешку, Алиса опередила. Тот посмотрел неодобрительно, но махнул рукой. Гордо подтащив тяжёлый пакет к мангалу, принялась заполнять конструкцию. Аня предусмотрительно держала мангал с двух сторон для стабильности, но он всё равно дважды чуть не перевернулся.

– Щепы хватает? – Влад вытащил тазик, замотанный в полиэтиленовый пакет. Алису подмывало спросить, какое заклинание расширения он использовал на потрёпанном рюкзаке.
– Ну такое. Можно было бы и побольше. – Артур высыпал щепки тонким слоем поверх угля. Выглядело слегка жалко.

– Я топор из подвала принёс. Вон там, – неопределённо махнул рукой в сторону дома, – дерево валялось. Справитесь наколоть или мясом займётесь?

– Справимся. Кто со мной?

Алиса хотела отозваться, но краем глаза заметила, что Влад собирается лезть руками вглубь тазика. Подорвалась к собственному рюкзаку.

– Салфетки влажные надо?

Друг замер, глядя на испачканные углём руки, и согласно кивнул.

Мясо было спасено, а Аня убежала вслед за Артуром.

– Как дела в кузнице?

– Да всё стандартно: тело болит, железо куётся.

– Ты разве сегодня не там должен быть? Суббота же.

– Закончилось обучение.

Алиса даже не удивилась, когда год назад Влад где-то откопал настоящего кузнеца и устроился к нему подмастерьем. Главное, что не в офис подался. Еле сдержала улыбку, представив Владлена в костюме где-нибудь посреди стеклянных башен. Нет, такой персонаж должен заниматься чем-нибудь экстравагантным, чтобы не ломать целостность образа.

Вновь подумала, что пора бы искать стажировку. В целом, самой Алисе и ломать-то нечего было.

С другого конца участка прибежала запыхавшаяся Аня.

– Ребят, там помощь нужна. Надо дерево перевернуть. Влад, поможешь?

– Без проблем. Справитесь без меня с мясом?

– Вроде не маленькие. Зажигалку дай только. Ну или спички.

Владлен потянулся к волосам, и Алиса уже была готова узреть третий мешочек, но друг только почесал затылок.

– Уверена? Зовите, если что. Мы постараемся быстро. Спички в правом кармане у меня в рюкзаке.

Такое знакомое детское чувство, схожее с тем, когда родители впервые оставляют тебя дома на сутки. Аня отправилась на поиски спичек, Алиса заглянула в мангал – на первую порцию щепы вроде хватало. Полила розжигом – с таким набором не справиться сложно. Достала спичку, чиркнула о бок коробка, поднесла к щепе. Вскрикнув, отдёрнула руку: огонь занялся неожиданно бодро. Подождала, пока поутихнет и начала перетаскивать шампура.

– Не женское это дело – мясо жарить. Смотри и получай сатисфакцию.

Вечное чувство собственной бесполезности. Немощности. Исключительной декоративности в этой сурово-весёлой компании. Функции оператора ради какой-то причастности. Торопливо шинкует овощи, возясь с одноразовыми тарелками и не очень-то острым ножом. Объятия сзади – почти невесомо.

– Ну что ты носишься, будто жена? Успокойся. – Спокойный голос прямо над ухом. – Наслаждайся. Мы всё сделаем.

Чуть больше контакта. Рука протягивается за баночкой с солью. Сильнее нажим на плечо. Касание исчезает. Внизу живота теплом расплывается чувство счастье и защищённости.

Ничего сложного: к приходу команды лесорубов-любителей мясо успело равномерно подрумяниться со всех сторон.

– Задержались немного. Зато вон сколько накололи! – Влад радостно помахал пакетом, полным щепы.

– Молодцы. Минут через десять первую порцию уже мож-

но снимать.

Артур задумчиво обошёл мангал.

– Огонь слабоват. Есть дощечка какая-нибудь? Надо б раздуть.

– Неа.

Беспомощно огляделись вокруг – двор поражал пустотой. Алиса вспомнила про подвал: там наверняка что-нибудь могло бы найтись, но при мысли о нём мурашки предательским табуном бежали по телу.

– О, у нас же были тарелки пластиковые!

Раздули огонь. Порезали привезённые овощи, закинули на огонь вторую порцию шашлыка и открыли пиво.

– Слушай, а хорошо мясо получилось.

– А ты в нас не верил!

– Да вы к огню обычно не подходили, я и не подумал.

Вылила соус на тарелку, вывозила в нём очередной кусок мяса.

– Какие планы на лето?

Влад поднял палец в знак перехвата инициативы и неспеша приложился к сидру.

– Я июле в лагере буду. Позвали следить, чтоб спиногрызы не убились об наковальню, а по вечерам ковать для души. В Августе ролёвка опять. В конце июня в Ижевске фестиваль намечается – доеду, если сессия в нормальные даты закончится. Главное, чтоб перед экзаменом в обезьянник не загребли.

– А есть причины? – К собственной гордости, на этот раз не удивилась.

– Пока нет. Но митинг в следующие выходные. Согласованный даже, но и там бывает выщепляют. Есть вероятность в клетке провести пару суток.

– Может тогда не пойдёшь?

– Ты не понимаешь: это гражданский долг. Мы с родителями ещё на Болотной были. Это мирное шествие, наше гражданское право. Я бы сказал, гражданский долг даже. Вопрос совести и позиции.

– Ну не знаю. Смысла вроде особо нет, а опасность реальная.

Влад, кажется, собирался разразиться тирадой, но передумал.

– Не переживай, я бегаю быстро.

Господа физтехи отстранённо жевали мясо, и тема сошла

на нет.

Алисе не повезло с расписанием сессии – у них она всегда почему-то проходила в самом начале лета, так что остаться на ночь не представлялась возможным. Как только похолодало, начала собираться. Аня, вздохнув и обругав канцелярию, последовала примеру подруги. Парни проводили их до автобуса и вернулись в дом заниматься своими мужскими делами – предположительно, пересказывать анекдоты.

– Странно всё это. – Аня первой нарушила тишину ползущего сквозь посёлки автобуса.

– Странно, конечно. А ты о чём?

– Странно, что можно вот так внезапно собраться и найти что-то общее. Сколько уже не общались?

– Честно говоря, не знала, что вы не общаетесь. Я после отчисления как-то резко связи оборвала: не очень хотела

– Ну, ещё бы, после такой-то истории… А остальные… Влад перевёлся, чтобы с Юлей вместе учиться. Сначала надеялся, что она сможет к нам поступить, но не сложилось, и он сам ушёл.

– Ну да, он тот ещё романтик. Хотя по нему и не скажешь.

– При нём не говори, главное.

– Ну ладно, а остальные?

– Так без вас троих только мы с Артуром и остались.

Алиса не понимала. Аня вела себя так, будто «третья» история даже не нуждалась в упоминании. Про Владлена Алиса и сама знала, а Кай…

– А вы не общаетесь?

– Разные факультеты, разные жизни. Возле Владлена же всё кристаллизовалось.

– Да и сегодня только он справился всех собрать. Удивительный человек.

Пересели из автобуса в электричку. Алиса снова упустила шанс органично спросить про Кая. Попыталась вернуть диалог на тему компании.

– Странно, что мы, такие разные вообще как-то собрались. Пусть даже вокруг Владлена.

– Противоположности притягиваются, говорят. Комплексами сцепились, видимо. Что-то из себя строили, друг другу подыгрывали. Ну и страшно было, поэтому держались изо всех сил: вспомни, сколько мы с тобой сначала ругались.

– Было дело. Ну, раз столько всего пережили, может и воскресим общение. К моим родителям лет двадцать уже друзья с института приезжают на новый год.

– А мои даже друг с другом разошлись. Какие уж там друзья…

Вышли из электрички, купили новые билеты, поменяли пути. Попрощавшись, разошлись ждать свои поезда. Оставшись одна, не смогла отбиться от роя воспоминаний.

Первый курс – сущее испытание, когда привык застенчиво стоять у стенки вместо активных знакомств. Алиса тогда научилась не морщиться от сигаретного дыма, быстро ходить и смеяться направленному в лоб пистолету, про себя повторяя *«он не причинит тебе зла»,* лишь бы только не остаться одной.

Училась петь, чтобы вписаться в музыкальную группу и подальше заталкивала мысль и паническом страхе сцены. Забросила в угол платья и каблуки, кое-как накопила на кожанку и грубые ботинки на высокой подошве. Всё, что угодно, лишь бы остаться в компании.

Не показывала обиды и плакала тихо по вечерам. Не задавала лишних вопросов, украдкой гуглила незнакомые слова. Удивлялась, зачем они вообще её терпели: слишком скучная, слишком глупая, слишком домашняя. Насквозь обычная.

Сквозь время защипало порезы на левой руке.

Душевая вода не даёт забыть об отгремевшей истери-

ке. Тёплые струи слизывают капли крови с запястья. Жалились, будто с укором: понять бы только, за что. За слабость? За возвращение забытой со школы привычки?

Новая попытка выйти из несовершенного тела. Только дело точно не в нём. Чем взрослее, тем глубже. Проблема уже в содержимом. Во всём естестве. Слишком простая. Слишком благополучная. Слишком второстепенная. Опять не нашла в себе сил резать вдоль.

Стук в дверь – Ане тоже к первой паре. Наспех замазала тональником следы бессонной ночи в слезах. Глаза красные – может, сказать, что курила? Не поверят. А если и поверят, попросят делиться.

Вышла из душа, придерживая полотенце левой рукой. Нашла кофту с рукавом подлиннее – конец октября: легко соврать, что замёрзла.

Не доглядела – он увидел порезы. Внезапно, ругался. Расстраивался, будто это были не пустяки. Говорил, что нельзя так: человек с тремя попытками сущида.

Машинально дотронулась до безупречно гладкой кожи запястья. Теперь не видно даже тонкой белёсой полоски. Порезы остались там же, где стоило выбросить старый потрё-

панный жизнью мангал. Желание выйти из тела – иногда накрывает. Но с кем не случается?

Вместо запястья защипало глаза. *«И где он теперь?»* Алису резко накрыло ощущением беспомощного одиночества. Как же просто всё было с Каем. Всё-таки разревелась.

Чуть не пропустила свою станцию. Торговый центр закрыт, пришлось обходить. Холодный воздух отрезвил. Вытерла слёзы. Полуживая доползла до ворот общежития.

Возле крыльца, методично выпуская изо рта дым, стоит Марк. Присмотрелась. Между длинных изящных пальцев тлела настоящая, почти архаичная в этих местах, сигарета. Под стать хозяину – тонкая и с каким-то надрывом. Если у сигарет, конечно, бывает надрыв.

– Привет.
– Ну привет. Я думал – не подойдёшь.
– Да брось, я не против табака. Как жизнь?
– Наверное, отчисляюсь.

Замерла. Вот это поворот. Терять Марка вообще не хотелось.

– Чего так?

– Не могу заниматься учёбой. Не могу себя заставить смотреть эти лекции – просто засыпаю. Не могу уже решать эти задачи, не могу читать материалы. С кровати встать не могу! Сплю, курю, пью и пишу альбом. Всё.

– Слушай, это нормально – май. Но до свободы осталась неделя. Соберись как-нибудь…

– Шикарный совет. А может, у меня депрессия?

– Ты серьёзно хочешь выкинуть эти годы? Когда готовился к олимпиадам, не спал ночами, ходил на лекции, писал конспекты? Сдавал все предыдущие сессии. Все эти силы, нервы, дедлайны – чтобы что?

– Да я всё равно не знаю, что мне с этим дипломом делать.

«Я тоже» – мелькнуло в сознании. Чтобы не поддаться упадку, продолжила:

– А что без диплома делать знаешь?

– Нет.

На спор начали оборачиваться стоящие рядом студенты. Вопрос, конечно, популярный и наболевший у многих, но публичной дискуссии не хотелось. Понизила голос.

– Тогда нет смысла сужать себе круг возможностей. Я тоже не совсем понимаю, что делать со своей жизнью, и зачем мне диплом. Полкурса вообще-то не понимает. Но ВУЗ правда хороший. Наверное, это всё как-то поможет. Тем бо-

лее, если нет других планов и осталось совсем чуть-чут, – разумные оргументы звучали всё более жалко. – Соберись, сдай и валяйся в своей депрессии хоть до сентября.

– Ну да, конечно. Это же так работает. Диванный эксперт по психиатрии подъехал.

– Так сходи к нормальному, чего ты друзьям-то вечно ноешь? Если есть диагноз – отправит тебя в академ. Нет – симулировать перестанешь.

Марк злобно зыркнул, открыл рот, но ничего не сказал. Отвернулся.

Можно просто поправить рюкзак на плече и уйти. Но что-то подсказывало, что Марк не простит. Не получится уже просто вот так подойти и заговорить, будто ничего не случилось. Алиса сжала губы. Ошибки прошлого повторять не хотелось – не подростки уже, ссориться на пустом месте.

Вспомнились бесконечные ряды бутылок, коробки из-под пиццы двухмесячной давности, горы одежды и грязный пол. Всё говорило о том, что Марку не "просто грустно". Выдохнула. Повернулась к спине друга – чуть не балетная осанка, задранный подбородок, странно подрагивающие плечи… Обида написана на всём Марке целиком. Подошла ближе, встала на цыпочки, обняла за плечи. Прижалась.

– Прости меня.

Удержалась ещё полсекунды – двигаться почему-то не захотелось. Расцепила руки, отошла на два шага. Марк обернулся. *"Ну какой из него технарь? Ему бы в актёры…"*

Удивление, растерянность, остатки обиды, слабая улыбка.
– Извини – я всю неделю на нервах.
– Да ничего. Всё нормально.

Постояли. Марк полез в карман за зажигалкой, вытянул из пачки вторую сигарету. Не такие уж они, кстати, и тонкие.

– Как альбом?
– Пишу. Неплохо, кстати, получается. Движется. Единственное, что движется в моей жизни. Как будто, знаешь, в этом – и только в этом – есть хоть какой-то смысл.

Почувствовала укол зависти. У Марка есть хоть какой-то отчётливый смысл. Глаза опять защипало. Сделала шаг к дверям общежития: надо всё-таки выйти из-под обстрела чужих сигарет: так и в тумане заблудиться недолго.
– Я рада, что ты его пишешь. Смысл – это важно. И альбом жду: хочется поскорее услышать. А универ… Хочешь, снова вместе готовиться будем? Как-нибудь сессию сдашь, а летом уже спокойно решишь, что делать дальше.

– Да, ты, наверно, права. Зайдёшь завтра за мной, когда в универ соберёшься?

– Без проблем.

Алиса глубоко вдохнула. Всегда ненавидела запах табака. Горький, терпкий, режущий глаза и горло. От Марка пахло приятно. Подвинулась, втянула дым в лёгкие. Может, сигареты стали мягче? Ещё вдох. Кажется, это был хлороформ, и Алиса потеряла сознание, задохнувшись. Перед глазами поплыли галлюцинации.

Пара шагов от неё. Чирк зажигалки, дым поднимается к небу. Алиса терпеть не может табачный дым. Терпеть не может курящих рядом. Но ему так идёт, будто если протащить сквозь тонкие пальцы эту горящую палочку, образ рассыплется, и он сам обратится в дымящийся на асфальте пепел.

Стоит будто в профиль, свободной рукой проводит по волосам. Алисе вдруг ударяет в голову Маяковский. У них нет ни грамма внешнего сходства, но её вдруг придавливает тяжестью ассоциаций.

«Дым. Табачный. Воздух. Выел».

– Я пойду. Мне завтра рано вставать. Очень рано. Пока.

Не дожидаясь ответа, взбежала вверх по ступеням. Последний раз поглубже вдохнула клубящийся сероватый воздух. *"Дым. Табачный воздух выел".* Где же слышала? Голос твой знакомый… Может в школе ещё? Это точно Маяковский, но вроде не по программе.

Дверь, ещё дверь, "вечер добрый", пропуск, турникет. К лифтам. Телефон, заметки, переписка. Где же оно? В бумаге что ли писала? Точно, вела тогда бумажный дневник. Чёрт. Только б не потеряла при переезде. Влетела в коридор, чуть не запуталась в шнурках, скинула кроссы, почти бегом к комнате. Уронила ключи, подняла, захлопнула дверь. К шкафу.

Нет, нет, не то, это тоже не то, и это. Да где же?.. Где… А, вот. Небольшой скетчбук с плотными кремовыми страницами и обложкой из красного кожзама – Алиса не любила ежедневники с их датами и линованными листами. Аккуратно листала страницы, вчитываясь в ряды бисерных букв. *"Когда-то красивый был почерк".* Заметки, планы, расписания, бюджет. Всё мимо. Почерк внезапно меняется – буквы плывут и едут, наклоняются от спешки, падают и спотыкаются, устремляясь куда-то вдаль. Кажется, это оно.

«Гуляли сегодня вчетвером. Дворы. Детская площадка. Он решает выкурить сигарету, останавливается поодаль – принципы: не дымить же там, где мелкотня обычно играет, хоть сейчас там и пусто. Остаюсь рядом. Остальные бегут на качели – как дети, ей-богу. Смотрю на тонкую тлеющую палочку с табаком между пальцев. Длинные пальцы, разбитые в кровь костяшки. Чуть нервный, но уверенный профиль… Красивый. И дым. Дым классный. Дёрнуло что-то. Никогда не курила, но вдруг… Протягиваю два пальца. Он всё понимает, вкладывает между них свою сигарету. Вдох. Выдох. Сигареты дешёвые: купили вчера в каком-то убитом ларьке за сотню. Затягиваться не умею – почти ничего не чувствую. Зато дым красивый. И запах. Запах его волос, шеи, рук.

Владлен поворачивает голову, нарушает уединение. Решительно направляется к нам. Аня бежит следом.

– Ты совсем берега потерял. Рожу готовь. – Говорит вроде ровным, но отчего-то звенящим в тишине голосом. Никак не привыкну к этим их дракам за просто так. К дешёвым сигаретам, грязным кожаным ботинкам, нецензурным разговорам – иногда о Гегеле и теории поля, иногда просто так.

Поворачивает голову и спокойно, чуть меланхолично выдыхает:

– Подожди, докурю только.

Затягивается. Владлен смотрит, на сводя глаз. Ждёт.

Ещё вдох. Выдох. Клубы дыма. Тлеющий бычок упирается в стену ближайшего дома. Поворот. Обратно. Засовывает под плёнку на пачке: мусорить нехорошо. Убирает картонную коробочку в карман. Поворачивается к Владу лицом.

Секунда. Вдох. Звук рассекаемого воздуха. Выдох. Резкий удар. Идём на площадку все вместе»

Алиса сползает по стене. Листая дневник, видит ещё несколько заметок – тем же неровным почерком. Буквы расплываются от капающих на дневник слёз. *«Когда я вообще начала столько реветь?»*

Глава 7

Будильник, как всегда, воскресил только нежелание жить.

Алиса пошарила рукой по кровати, залезла под подушку. Беззвучно выругалась, щурясь на свет. Приоткрыла глаза, насколько возможно, и полезла в щель у стены. Нашарила телефон. Выключила раздражающую мелодию. Разблокированный экран пестрил пуш-уведомлениями. Половина спам,

второй половине не помешало бы тоже им быть.

Встала. Щёлкнула кнопкой электрочайника – давно перенесла его в комнату, чтобы не убить ненароком соседей: в общежитии Земфиру понимаешь особенно хорошо. Глотнула горького кофе. Теперь, кроме ненависти, проснулась и остальная Алиса.

Наскоро собралась в университет. Пар на этой неделе уже не будет, зато экзамены через день: времени на раскачку нет. Справедливости ради, давно уже не было.

Закинула в рюкзак ноутбук, тетрадку, ручку, банан в качестве перекуса и зачем-то найденный вчера дневник. Поднялась на три этажа выше – к счастью, Марка расталкивать не пришлось. Друг доедал завтрак и предложил Алисе остатки пиццы. Оценив, что на вид ей не больше двух дней, кивнула и полезла искать тарелку, чтобы засунуть внезапную подачку судьбы в микроволновку.

В университетской библиотеке чудом выцепили свободное место. За едой ходили по очереди, чтобы никто занять не успел – нового в разгар сессии не найдёшь. День вышел достаточно продуктивным: Алиса пересказала Марку всё, что смогла уложить в свою голову, относительно корпоративных финансов. Он, даже пропустив три недели занятий, оказался

умнее, и смог объяснить ей последнюю тему, вникнув в неё, пока Алиса стояла в очереди за очередной порцией кофеина для них. При должном проценте удачи, оба имели шанс неплохо сдать завтрашний экзамен. Оставалось разве что выспаться.

Но как раз с этим возникли проблемы. Найденный дневник по ощущениям походил на крестраж: он одновременно тянул её к себе и отталкивал. Алиса так и не поняла, почему расплакалась, прочитав абсолютно безобидную историю из прошлого. Обычная прогулка скучающих первокурсников. Кажется, всё хоть как-то связанное с Каем, вызывало у неё неадекватно эмоциональную реакцию. Благоразумие призывало просто избегать любых его упоминаний – тем более, так по неизвестной делали все. Но это только разжигало любопытство к тайне, ключом к разгадке которой мог стать старый дневник.

Рывком поднялась с кровати, зажгла прикроватную лампу и вытащила дневник из рюкзака. Раскрыла на странице с неаккуратно плывущими буквами, чувствуя странную щекотку внизу живота.

Тёплый, тёплый октябрьский вечер. Стоим на балконе семнадцатого этажа, вдалеке миллионами огней расстилается Москва.

Захлопнула дневник. Разблокировала телефон.

– Ты очень мне нужен.

Заблокировала тут же. Сердце бьётся бешено. Алиса пытается спокойно дышать.

Синие сияние. Ответ пришёл сразу же.

– У меня или у тебя?
– Ты говорил, у тебя чай успокаивающий есть. Завари, пожалуйста.

Поднялась к Марку. На столе уже дымились две кружки.

– Волнуешься перед финансами?
– Помнишь, ты хотел послушать, что я когда-то писала?

Марк явно не выбрал реакцию. Он уже сидел в пижаме, Алиса явно выдернула его уже из постели. Посмотрев на побелевшие пальцы подруги, сжимавшие красную книжку, Марк молча кивнул и подвинул к ней кружку с чаем.

– За качество не ручаюсь.
– Давай уже. Не просто же так мы рискуем нашей стипен-

дией.

– Да ладно, там после вычета общежития и проездного, разве что на бутылку вина останется.

– Чем не причина с неё не слетать?

– И то верно.

Коротко выдохнула. Прокашлялась. Открыла ту же страницу. Внизу живота опять зарябило.

– Тёплый, тёплый октябрьский вечер. Стоим на балконе семнадцатого этажа, вдалеке миллионами огней расстилается Москва.

Марк растерял спесь. Прислушался.

– Подпрыгиваю, удерживаясь лишь на выпрямленных руках. Смещу центр тяжести немного вперёд – упаду и гарантированно закончу эту жизнь. Асфальт жёсткий. Смещу в другую сторону – аккуратно опущусь на пол. А сейчас – в равновесии. На грани. Почти как на лезвии ножа. Игра с судьбой опьяняет. Я знаю…

Голос дрогнул. Отпила чай. Обожгла язык. Выругалась.

– Не отвлекайся.

– Я знаю, наша встреча – такой же прыжок. Одно невер-

ное решение, и всё полетит под откос. Улыбка удачи – жизни изменятся. Я уверена, изменятся к лучшему. Будет много историй. Будет сказка.

"Да не смотри ты так на меня…"

Потянулась за чаем. Оставила на столе.

– Но сейчас – равновесие. Хрупкое, едва уловимое, необходимое до боли в оцепеневших от холодного, шершавого бетона пальцах. Я каждый день с этой встречи "прыгаю". Выбираю ходить по краю, отпуская опору. Не знаю, куда это меня заведёт. Но мне нравится. Нравится и, почему-то, кружит голову, как вид на жёсткий асфальт семнадцатью этажами ниже.

Последние три фразы выпалила, путаясь в языке. Захлопнула дневник.

– Чёрт, сколько пафоса. Говорю ж, за качество не ручаюсь…

– Да ты чего? Оно, в общем, довольно неплохо. Почитаешь ещё?

– Что у нас там по времени? – Глянула в телефон. – Без трёх час. Мне, наверно, пора. Ты прав, бутылка вина – весомая причины выспаться перед экзаменом.

Рывком встала, в два шага оказалась у двери.

– Даже не попрощаешься?

– Аа… Да, пока. Хороших снов.

– О ком эти строчки?

Вскинулась.

– Обо мне, конечно. Всё, что мы пишем и говорим – всегда о нас. Даже если как будто бы о других.

Марк подошёл и обнял, увлекая её обратно к кровати. Вручил кружку с чаем.

– Он мятный. Выпей, вдруг полегчает.

Алиса послушно глотала горячую воду с привкусом ментола. Сердце и правда перестало так бешено биться о рёбра.

– Не хочешь всё-таки поделиться? Не просто же так ты литературный вечер решила устроить?

Поджала колени к груди. Медленно ополовинила кружку.

– Знаешь, хочу.

Марк вскинул бровь, но ничего не сказал. Просто смотрел на неё.

– Обещай, что не посчитаешь меня сумасшедшей.

– Да я давно. Меня не смущает.

Улыбнулась.

– Оно началось в марте, на праздниках. Как раз перед защитой проекта по английскому, помнишь?

– Ага. Ты в тот день ещё в стену залипала постоянно.

– Ну, вот. Я перед этим ездила сборы вести. В Долгопрудный. Там универ есть… Физтех, может знаешь…

– А кто-то не знает?

– Ну, мало ли. Так вот, я сначала там училась.

– А как тебя к нам тогда занесло?

– Кажется, эти истории как-то связаны. И об обеих я ничего особо не помню.

– Я заинтригован.

– Я-то как заинтригована… В общем, с Физтеха меня вроде отчислили. Хотя теперь я уже не уверена. Так или иначе, я не справилась с учёбой и перерезала себе вены. Меня как-то откачали, я ещё месяц приходила в себя в клинике. Родители подняли какие-то связи, меня перевели в частную, и записи в медкнижке как-то почистили. Ну, это из того, что мне рассказали. Сама я тот период помню крайне обрывочно, как и весь первый курс на Физтехе. После клиники я вышла, клятвенно пообещала родителям больше такого не вы-

творять, оборвала старые связи, поступила сюда, и два с половиной года делала вид, что ничего не произошло. А потом съездила в Долгопрудный, пообщалась с бывшей соседкой по общежитию. Встретилась ещё с двумя старыми знакомыми – Владлен, правда, и так раз в полгода узнавал, как дела, но дальше обмена главными новостями не заходило.

– Слушай, я даже не знаю, как реагировать. По тебе и не скажешь, что ты способна себе вены перерезать. Тем более из-за учёбы…

– Ну, мелкая была. Глупая.

– Мне жаль. Но как оно связано с тем, что ты мне читала сейчас?

– Ну, там был парень… Кличка Кай, настоящее имя не помню. В общем, я с марта всё время вспоминаю про него что-то. И это… Эмоционально. Почему-то. Я постоянно плачу, вспоминая о нём. И понятия не имею, куда он делся. Я не нашла переписки, а старая компания как будто избегает его упоминания. Мне начинает казаться, что я его выдумала. Но вот в дневнике записи. Эта и ещё несколько. Они точно о нём. Но мне почему-о сложно их читать…

– Ты любила его?

– Не знаю. Судя по обрывкам воспоминаний, кажется – да. Но я даже лица его толком не помню. О какой любви я могу говорить?

– Хочешь, почитаем твой дневник вместе?

Алиса задумалась. Помотала головой.

– Не сегодня. Нам завтра всё-таки на экзамен, а уже почти два.

– И то правда. Ну, до завтра тогда?

– До завтра.

Уже открыв дверь, обернулась.

– Можно у тебя зажигалку одолжить? До завтра.

– Ну да. Ты же вроде не куришь?

– Мне аромосвечку поджечь. Может, спать буду лучше.

Крестражи нужно сжигать в адском пламени. У Алисы не нашлось волшебной палочки, зато была одолженная у Марка зажигалка. Убедившись, что в ванной нет противопожарной сигнализации, закрыла дверь на щеколду, положила дневник в раковину и подожгла. Страницы горели красиво, будто бы выжигая Алисину память. Казалось, огонь стирал все волнующие эпизоды, что ещё только готовились подняться на поверхность сознания, оставляя после себя блаженную дымящуюся пустоту. Огонь разгорелся и перекинулся на обложку. Отвратно завоняло кожзамом. Испугавшись, что запах сейчас дойдёт до соседок, Алиса включила воду в истеричной попытке потушить дневник. Огонь потух под струями холод-

ной воды. От дневника валил едкий дым. Алиса закашлялась. Чёртову щеколду заклинило – она никогда нормально не открывалась. *«Это будет самая идиотская смерть»*. Щеколда наконец поддалась, и Алиса выскользнула из душевой, закрыв за собой дверь. Оставалось надеяться, что дым выйдет сквозь вентиляцию, и ночью их не поднимет вдруг среагировавшая сирена.

Глава 8

Ещё никогда Алиса так не радовалась экзамену первой парой, как в то утро. Придя умываться, заметила в раковине свой обгоревший дневник. Чат квартиры молчал. Значит, за прошедшие пять часов никто не обнаружил преступления. В ванной всё ещё пахло горелым, поэтому, забрав улики, Алиса поспешила сбежать в университет.

На экзамене им повезло. Как и на следующих трёх. Сессия проходила на удивление успешно. Ритуальное сжигание, хоть и удавшееся не до конца, сработало: следующие две неделе Алисе удавалось не отвлекаться на лишние воспоминания, не смотреть в стены подолгу и не плакать в случайный момент. Ещё немного, и свобода. Лето обещало быть куда лучше этой сумасшедшей весны.

Остался последний, хоть и самый неприятный экзамен в

семестре. Какого-то чёрта устный, по билетам. Алиса решила на тратить время на дорогу и осталось учить в университете – благо, один этаж библиотеки был круглосуточным. Марк давно заявлял, что сон – социальный конструкт. Сейчас Алисе пришлось согласиться.

Ночью библеотека выглядит заговорщически-волшебно: бесконечные ряды разноцветных диванчиков, стульев, столов и розеток. С едой сюда обычно нельзя – охранники бдят сурово: появляются быстро, недовольно ссылаются на правила и вообще всячески напоминают о существовании столовой. С водой и кофе пропускают – видимо, из жалости, – но косятся всё же неодобрительно. Ночью на столах стихийно возникают энергетики, шоколадки и пачки чипсов. Мусорки переполнены, и раз в полчаса кто-нибудь играет в обратную Дженгу: добавь ещё одну обёртку, чтобы гора на развалилась. Иногда кто-то проигрывает.

Честно готовилась всю ночь, изредка выходя к автомату с невкусным и слишком горячим кофе – такие обычно стоят на вокзале. Все университетские кофейни ночью закрыты, и выбирать не приходится.

Охранники оказались не всепрощающими: спать всё-таки не дают. Почти получилось незаметно задремать в кресле, но быстро затекла шея. Под утро мозг перестал воспринимать

информацию, несмотря на адреналин скорого экзамена. Подумывала всё-таки раздобыть где-нибудь сигарет. В восемь открылся коворкинг – там пуфики. На стеснение никаких сил не осталось: свернулась в углу калачиком, накрывшись собственной курткой. Успела только поставить на 10:20 будильник. Понадеялась, что утра.

На удивление, выспалась. За десять минут умылась, влила в себя ещё стакан отвратительного кофе и нашла нужную аудиторию. Рядом с дверью толпились однокурсники. Марка нигде не было. Вспомнила, что он попал в другую группу. Пришлось искать моральной поддержки у менее близких знакомых. Из кабинета вышла однокурсница из тех, что в первой десятке рейтинга. Алиса пристала к ней в надежде узнать, насколько жёстко принимают.

– Мне попался первый билет, он самый короткий. Я, когда выходила, положила его сверху. Если пойдёшь сейчас, можешь вытянуть.

– Спасибо!

Алиса подошла к двери как раз вовремя, чтобы вызваться в качестве желающей сдавать в следующей тройке. Войдя в кабинет, замерла над стопкой бумажек. Сверху лежали две узких бумажки. Одна казалась лишь слегка меньше другой. Но интуиция почему-то подсказывала взять вторую. Ин-

туиции Алиса привыкла доверять и, мысленно перекрестившись, взяла бумажку пошире. Перевернуть решилась, только дойдя до парты. И… Интуиция снова не подвела. Билет был озаглавлен «Халява» и представлял из себя пересказ первой лекции. Быстро написала ответы, подняла руку.

Профессор, только что отправивший на пересдачу парня с соседнего ряда, оглядел класс. Заметив руку, подсел к Алисе.

– Ну-с, посмотрим, что вы можете мне рассказать. Не помню вас почему-то на своих семинарах.

– А я причёску сменила. – Неловко попыталась разрядить обстановку. Профессор не оценил.

Алиса, чуть волнуясь, пересказала написанное. Профессор ничем не выдавал своего мнения. Задумался, перечитал написанное сам.

– Ну ладно, это понятно. А приведите мне пример функции, оптимизирующий этот процесс.

Алиса задумалась. Прикрыла глаза, копаясь в собственной памяти. Она точно заучивала это в районе третьего часа сегодняшней ночи.

– Бэби? – голос мягкий, вкрадчивый и заботливый, но всё же от давления хочется плакать.

– М…мяу?

– Давай словами, – очень старается скрыть улыбку, но Алиса чувствует её даже при тусклом свете звёзд за окном.

Алисе никуда не деться. Алиса закрывает глаза и выдаёт свою длинную исповедь. Она ожидала, чего угодно – оттолкнёт, обзовёт, ударит. Посмотрит свысока и вычеркнет из жизни. Чего угодно, но не внезапных объятий. Он редко кого-то обнимал, и крепче – кажется, никогда. Алиса просто не верила.

Притягивает к себе, аккуратно поворачивает к столу. Задёргивает штору – свидетели им сегодня совсем ни к чему. Обнимает. Ближе. Крепче. Лицом к лицу, на расстоянии каких-то сантиметров. Алиса – без сознания, в полнейшем вакууме, без единой здравой – вообще без единой! – мысли в голове касается кожи. Не оттолкнул. Губы, кажется, пересохли. Чужое тело кажется совсем-совсем нереальным. Щека, подбородок, шея. Алиса блуждает в счастливом небытие – наверное, так ощущается рай.

Он не выдержал её невнятных попыток. Губы к губам, чужой язык шарится где-то внутри. Наверное, надо отвечать, но Алиса просто оцепенела. Не от страха. Просто

будто разом фейерверком взорвали все серотониновые рецепторы, и осталось только плавать в этой луже счастливого забвения, остаться в нём навсегда – лучше этого мгновения в жизни уже не будет.

– Вы планируете отвечать?

Алиса резко открывает глаза. Перед ней доска, парта, исписанный какими-то формулами лист. Морщинистое, недовольное лицо профессора.

– Я… Извините, мне плохо стало. Сейчас…

– Вы помните мой вопрос?

– Нет, – сдавшись, выдохнула Алиса.

– Ночью, гражданочка, надо спать. А учиться в семестре.

«Ну, пересдача так пересдача»

– Так и быть, я поставлю вам семь, хотя с таким билетом – это полной позор. Будем считать, что теория вероятности сегодня на вашей стороне.

– С… Спасибо.

Дверь, «семь поставил», лестница, пропуск, турникет и свобода. В неофициальной университетской курилке толпятся какие-то старшекурсники. Незнакомые, на вид – программисты.

Вышла в смешанных чувствах. За оценки уже давно не переживала, и семёркой вполне удовлетворилась. Но теперь экзамены кончились, а вместе с ними – хоть сколько-то явные цели в жизни. Вокруг Алисы образовались июнь и полная неизвестность. И воспоминания, оставляющие жуткий ком в горле. Избавиться от них надолго не вышло даже сжиганием дневника, а в бездну заглядывать не хотелось – из неё тянуло противным сквозняком.

Решила действовать как взрослый осознанный человек – поехала в общежитие спать.

Пятнадцать часов сна удались, но самочувствие оставалось неважным: снов не помнила, жить не очень хотела. Разблокировала телефон. Пять утра. Спам, спам, спам, и вот это тоже спам. Уведомления закончились, ничего, кроме спама не нашлось. Накрыло чувством одиночества.

– Да ну его к чёрту.

Опустошила бутылку у кровати. Выпила таблетку мелатонина. *"Вторая за сутки".* Открыла новую бутылку. Откинулась на подушки. Это уже начинало походить на зависимость. Таблетка не подвела: в следующий раз открыла глаза уже в сумерках. В животе заурчало. Энергии не прибави-

лось. Всунула ноги в тапочки, дошаркала до кухни. Соседей, к счастью, не оказалось. Щёлкнула выключателем, поморщилась на свет. Спасибо, что не зашипела. Безрадостно открыла холодильник – картина не вызвала оптимизма. Организм требовал еды, но сознание идею отвергло. Захлопнула дверцу. Потупила в стену с минуту. Села на корточки, залезла в морозилку, вытащила оттуда дежурную пачку пельменей. На автомате сварила, уныло потыкала вилкой – невкусно. Появилась разве что тяжесть в животе.

«Блин, ну не спать же снова ложиться…» Поплелась к книжной полке – ничего, что вызвало бы хоть какой-нибудь интерес. Зашла на Ютуб – ролики бесили бессмысленностью, от постоянного переключения разболелась голова. *«Видимо, всё-таки спать».* Бросила взгляд на пачку таблеток – блистер предательски зиял пустотой. Откопала в скопившейся на столе куче бумаг, бижутерии, проводов и косметики пачку с ромашковым чаем.

В следующий раз проснулась от кошмара. Тараканы. Тараканы, тараканы, тараканы. Стаи, армии, полчища. И все надвигаются на неё. Вжимают в стену, ползут по ногам… Резко села. Сердце бьётся бешено, футболка мокрая от пота. Так себе пробуждение. *«Ну хоть заряд бодрости получила…»* Боязливо опустила ноги на пол. Нечисти в комнате не наблюдалось. Но пол, всё-таки, стоило бы помыть…

Десть утра. Полковнику по-прежнему никто не пишет. Хотя может и пишут – ей-то откуда знать? Собственные мессенджеры издевательски пустуют. Решив взять инициативу в свои руки, написала всем теоретически доступным друзьям. Безрезультатно. Одни уже разъехались на лето, другие всё ещё судорожно что-то сдают. Пара человек просто умудрились заболеть в плюс двадцать пять. Последняя надежда – те, кто был в сети в четыре утра, но проснутся они ещё не скоро.

Без особого энтузиазма снова ткнула в иконку Ютуба. Там за ночь ничего глобально не изменилось. Вытащила из гардероба самые мешковатые шмотки: вылезать из кокона не хотелось. Вставила в уши наушники (спасибо случаю за полную зарядку), подпрыгнув, схватила стоящий на шкафу скейт. Чуть не врезала им себе же по голове. Вышла прочь из пропахших унынием стен.

Парк Горького забит людьми. Все улыбаются: приторно и бесяче. Алиса старалась не отрывать взгляда от доски. Чёрт знает, почему её именно сюда принесло. Слишком знакомое место – парк мгновенно заполнился призраками прошлого. Вот там сидели и пили сидр в пять утра, там – впервые вставала на скейт, под мостом – снимали рекламу посвята. Под теми деревьями устроили фотосессию, а на горке пару лет назад ободрала ляжку. Чуть дальше, на Воробьёвых горах,

каким-то чудом смогли заблудиться.

Скейт ехал так себе. Неприятно дребезжал колёсами, вилял, то и дело пытался выкатиться из-под Алисы, разбив ей колени и сердце. Воспоминания вместо приятной ностальгии отдавались какой-то неясной болью внутри. Солнце пропало, на улице стало серо и холодно. Начала замерзать. *"Хоть бы денег кто кинул на счёт…"*

Телефон внезапно мигнул синим. Увы, сообщение не от банка. Сообщение от Гамлета – не Шекспировского, но вечно решающего всё тот же каноничный вопрос. Только черепа не хватало. Гамлет как раз попала в категорию тех, кто был в сети в четыре утра, проснулась и неожиданно согласилась на встречу. Как только соберётся и придёт в себя. Часа через два. *«В переводе на человеческий – три с половиной».*

Минимизируя опоздание, договорились встретиться в кофейне около дома подруги. Алиса подхватила скейт, воткнула наушники в уши и пошла в плюс-минус нужном направлении: Гамлет жила в противоположной части Садового кольца.

Подругу звали как-то иначе, но как именно – Алиса не помнила. А может никогда и не знала. Познакомились давно и в интернете – сошлись лет в тринадцать в каком-то чате. То

ли по Гарри Поттеру, то ли по метал-группе. Из чата давно вышли, но друг друга не потеряли: встречались изредка по кофейням и паркам. Кличка пришла позже, сменив предыдущую. Точной причины тоже никто не помнил, но попадание идеальное: Гамлет – красивая, драматичная, непостоянная и жутко несобранная. Носит платья и красит губы фиолетовым.

Получала диплом психолога, пока не попала к психиатру. Панические атаки, селфхарм, ночные истерики. Скачки самооценки и РПП. Пограничное расстройство. Академический отпуск. Антидепрессанты и группы.

Количество близких друзей со справкой от психиатра начинало пугать. Депрессии, биполярки и погранички. Анорексия и суицидальные мысли. Часть к своим двадцати уже успела полежать в психбольницах. Некоторые к психиатрам не обращались, справок и медицинских рекомендаций не имели, но – кажется – стоило. А с виду ни по кому и не скажешь – умные, начитанные, хорошо одетые. Поющие, рисующие, ведущие блоги. Популярные в своих кругах, благополучные и вполне обеспеченные. Студенты лучших ВУЗов страны. И всё же… И всё же истерики, испещрённые порезами руки под широкими рукавами, академы, больницы, завтрак из горки таблеток и сигареты.

Мама говорит, это Алиса притягивает психов. Ей просто везёт на тех, кто вообще не в порядке, а мир полон здоровых и радостных людей – нужно просто сменить круг общения. Алиса верит в смещённую выборку, но не в свою к ней причастность: не собирала же она фриков по городу – большинство из них уместились в радиусе нескольких парт или комнат общежития.

Спустя два часа напрочь замёрзшая Алиса ввалилась в кофейню. Повесила на рейл у входа мокрую кожанку, там же оставила скейт. Внутри играл фанк, пахло кофе и накрученными ценами. Нашла самый мягкий пуфик в самом дальнем углу, упала в него и вытащила телефон.

– Опаздываю, буду через двадцать минут.

Отправлено полчаса назад. Значит, брать кофе ещё рано – к приходу Гамлета успеет остыть: с некоторыми вещами проще смириться. Подруга появилась ещё через четверть часа – мокрая и взъерошенная, как воробушек.

– Привет, солнце. Ты как?

– Пациент скорее мёртв, чем жив: у меня психотерапевтка в отпуск ушла. Я не вывожу жить.

Этого Алиса тоже понять не могла. Ей всегда казалось,

что психотерапевт – врач, который должен лечить болезнь, а не просто кормить пациента обезболивающим. Это ведь даже не костыли: те хотя бы помогают ходить самостоятельно. При первом же перебое в терапии друзья сдувались. Опять попахивало зависимостью.

Взяли по кофе. Разговор не то, чтобы не клеился: просто никак не желал переходить в позитивное русло. Гамлет несла упаднические настроения, Алиса занималась исключительно тем же самым.

– Ты сама-то как?

– Тебе объективно или по состоянию?

– Мне честно.

– Вообще, паршиво как-то последние… Месяцы? Понять не могу, почему.

– Универ?

– И он тоже, наверное. Не очень понимаю, зачем там учусь, и что дальше. Кажется, будто просто смертельно устала. Сдала сессию – проспала больше суток. Продолжила бы, но побоялась впасть в кому. Существовать плохо получается. Ничерта не радует.

– Может, всё-таки к терапевту?

С завидной регулярностью кто-то из друзей пытался за ручку отвести Алису в кабинет мозгоправа. Желательно, с

медицинским дипломом. Она сопротивлялась.

– Не, я пока к такому не готова. Я вообще врачей боюсь – покусаю его ещё случайно… Ладно, само рассосётся: я в такие штуки класса с восьмого периодически падаю. Тут, главное, не начать покупать алкоголь – были неудачные прецеденты.

– У тебя, скорее всего, просто стресс накопился. Ты ж его обрабатывать нормально не умеешь и поглубже засовываешь: знаю я тебя.

– Звучит как уместная теория. И что мне со всем этим делать?

– Достать переживания, поплакать над ними, прожить и наконец отпустить.

– Да всё же нормально вроде… Мне и переживать, по сути, не из-за чего. Всё просто как-то… Никак.

Алиса взяла со стола свой стаканчик, повертела в руках и залпом опустошила. Странно всё это. Странно пить кофе стоимостью ужина средней российской семьи, сидя глубоко в мягком пуфике модной Московской кофейни и жаловаться на невыносимость жизни. Что они вообще знают о невыносимости? Что они знают, если уж на то пошло, хотя бы о жизни? Стало даже стыдно. Паршиво и стыдно одновременно.

– Ты ж психолог?

– Где-то не половину. А что?

– Да… Признаваться, если честно, неловко.

– Психолог – это почти врач, а врачей не надо стесняться.

– Я уже говорила, что их боюсь.

– Ну ты же уже начала.

– Я, в общем, в феврале в Долгопрудный ездила. Ну, там где Физтех, помнишь?

– Помню. Я ездила к тебе в эту дыру на первом курсе гулять.

– Ага. В общем, мне по работе пришлось там оказаться. И после этого всё пошло наперекосяк.

– Что конкретно?

– Да не знаю. Мне казалось, я пережила уже это: отчислили и отчислили – жизнь же не кончилась. А нет, всё воспоминаниями какими-то кроет.

– Потому что ты не пережила, а просто сделала вид, что ничего не было. Теперь жди, когда отболит.

– Так и знала, что не надо было соглашаться на эти сборы. Не так уж много и заплатили…

– Да не, всё равно когда-то накрыло бы. Нельзя всё время избегать чувств: придётся с ними столкнуться.

– Странно просто. Почти три года нормально себя чувствовала: строила новую жизнь, вообще не вспоминала о прошлом. А тут что ни день, то новые флешбэки.

– Поздравляю: теперь твоя психика готова это прожить. У тебя как раз впереди целое свободное лето.

– И правда. Главное – до сентября уложиться.

Глава 9

Три часа до отправления поезда. План до банальности прост: доехать до общежития, кинуть в рюкзак какую-нибудь книжку, пару футболок, щётку, паспорт, ноутбук и зарядку. Влезть в самые удобные шмотки. Закинуть на плечи рюкзак и поехать.

Пакуя рюкзак, Алиса чувствует себя собой. Будто вся её истинная суть только в этом: собираться в дорогу, менять го-

рода. Нигде не задерживаться подолгу. Если бы её спросили – жаль только, никто не спрашивает – какое её главное качество, она бы без лишних раздумий ответила "мобильность". Способность уместить свою жизнь в рюкзак, выжить в любой ситуации с минимальным набором вещей. Спонтанное движение куда угодно – умение собраться в неизвестность за десять минут.

Первый раз сделала так летом после десятого класса. Тогда у Алисы не было денег и планов на жизнь, а между тем – скоро уже восемнадцать. Казалось, это что-то решает. Что ровно в день совершеннолетия её вырвут из привычного мирка, бросят в океан и скажут "плыви". Не выплыл – значит, всплыл. И Алиса почему-то решила, что если неделю выживет в Питере на два косаря (две трети которых дали в дорогу друзья) и с одним рюкзаком, то и со взрослой жизнью как-нибудь справится. Странная логика, но после принятого решения спать ей стало спокойнее. Жизнь, она же как рок-концерт: если слэм неизбежен, лучше быть активным его участником. Тогда есть шанс, что не затопчут.

Теперь вся эта идея казалось безумием. Но Алиса выкрутилась и неплохо провела время: пожила в хостеле, у семьи одной подруги и в коммуналке у другой. Залезла на крышу, день питалась бутылкой кваса, сходила в Эрмитаж. Магическим образом заработала денег на обратный билет: пристро-

илась танцевать к уличным музыкантам, а ребята прибылью поделились.

На этот раз деньги были, и Алиса рассчитывала найти приличный хостел, по дороге к которому не рискуешь сломать ногу в долгостроях Питерских подворотен.

Сборы заняли восемь минут. Проверила кружку: конечно же, грязная. Выбросила заварку, помыла, поставила сушиться. Теперь можно ехать. Вышла в летний остывающий воздух. Вышла на платформу как раз к подъезжающей электричке. Половина вагона пуста. Прижалась к стеклу головой.

– Милая, ты как? Получше? Я спросила у своего терапевта номера коллег. Он двоих посоветовал. Хочешь, скину? – Гамлет не оставляла идеи её вылечить.

– Спасибо, всё уже в норме. Кажется, моя философия в том, что билет на поезд стоит дешевле похода к психотерапевту.

– Ты опять куда-то едешь?

– Ага. В Питер.

Снова улыбнулась. Почему-то вдохновляла собственная спонтанность.

– Когда?

– Через полтора часа поезд.

– А ты придумала, где жить там будешь?

– Не знаю. Приеду – найду хостел какой-нибудь.

– Солнце, середина июня. Алые паруса. Что ты там искать собралась?

– Мне обязательно повезёт.

Алиса буквально увидела, как по ту сторону экрана Гамлет картинно закатила глаза.

– Так. Я сейчас напишу подруге, поживёшь у неё.

– Да ладно тебе, не напрягай человека. Я разберусь, правда.

– Не отказывайся – она живёт одна и ненавидит одиночество. Зато любит прикольных людей. Ещё у неё клёвый огромный чёрный кот – как Бегемот, только Сумрак.

– Ладно, Сумрак зарешал. Кинь её контакт.

Стекло холодит прижатый лоб. За окном разгорается закат. Кажется, самый красивый закат во всей Алисиной жизни. А может и нет – может, были и лучше, но им не сравниться с теми, что ждут впереди. За окном пролетают поля и мосты. Даже жилые кварталы и недострои выглядят чем-то волшебным и правильным в этом жёлто-оранжевом вечернем свете.

Ночной вокзал уже пару лет ощущается родным местом. Жизненной константой. Города и названия меняются, а вок-

зал остаётся. Двадцать три минуты до отправления. Вспомнила, что так и не поела сегодня. Свернула в привокзальный БК. Небольшая очередь внушала оптимизм.

Заказ отдавать не спешили. Семнадцать минут до отправления. От Ярославского до Ленинградского три минуты. Две – если бегом. Досмотр рюкзака. Схватить, добежать до второго – Господи, кто вообще делает два досмотра на одном вокзале? – понять, где твой поезд. В идеале – успеть до вагона. Но всё это нужно не меньше пяти минут. Время поджимает. Тринадцать минут до отправления. Ну же!

– Заказ Х-584.

Наконец-то. Схватила, даже не поблагодарив. Выбежала из фастфуда – выглядело, как будто украла. Не важно. Надо бежать. Бежать, бежать, бежать. Заученный маршрут. Очередь на досмотре. Пищащий металлоискатель – не выложила телефон. Бежать. Второй досмотр – история повторяется. Спасибо, что не аэропорт. Никогда не любила аэропорты. Десятый путь. Четвёртый вагон. "Да, здравствуйте, паспорт…" Паспорт не прощупывается в кармане. Чёрт!

«Ну нет же, я складывала!» Второй карман.

– Добро пожаловать. Ваше тридцать седьмое место. Не

убирайте документы до повторной проверки.

Успела. В попытке успокоить сердцебиение, вальяжно прошла весь вагон. Две минуты до отправления. *"Даже с запасом!"*. Снова улыбнулась. Адреналин – лучшее средство от хандры.

Дальнее, нижнее, боковое. Уселась, вытащила из рюкзака блокнот и ручку. Понадеялась, что та пишет. Поезд пошатнулся, по инерции чуть отъехал назад и тронулся. *"Ну да, когда у меня вообще были ровные записи?"*

Нашла чистую страницу. Сняла колпачок.

«Если бы про меня сняли фильм, он бы начинался и заканчивался сбором рюкзака. Или сценой в плацкарте. Даже лучше, если в плацкарте – можно сделать эффектный монтаж. Хотя с рюкзаком, наверное, тоже можно, но я не знаю, как. С другой стороны, я и не монтажёр».

Буквы не слушались, строки скакали. Алиса тщетно пыталась зафиксировать руку.

«Но начиналось бы всё с пути. Им и закончилось бы. Потому что я здесь – и вообще, где угодно – ненадолго. Декорации быстро меняются. А значит, всё это – просто ещё

одна история».

Фраза красивая, на какая-то неискренняя. Желтоватый налёт фальши на кафельно-белой улыбке. Так не пойдёт.

«Не знаешь, что делать – сбегай в Питер».

Так, уже лучше.

«Во-первых, надо бежать. От себя и к себе, от обыденности, от тёплой гавани, от "привычно" и "вроде нормально". От жизни на автопилоте. От болота ("в Питер" здесь звучит особенно иронично). От затягивающей на дно апатии. Бежать ради пути и ощущения, что ты – жив. Ведь как только заканчивается путь, начинается застой. А с застоем, как известно, долго не живут. Если повезёт, существуют… Или – как раз – не повезёт?

Во-вторых, в Питер.

С Питером у нас любовь. Он встречает меня солнцем и провожает – всегда! – огнями, размытыми дождём. Подкидывает улыбчивых людей. Осыпает комплиментами и дарит неприлично дорогие подарки.

Я наряжаюсь старательно, с трепетом. "А если сегодня зайдёт чуть дальше?" Жду встречи или срываюсь по первому зову. Оставляю плохие мысли где-то на полпути, влетаю

в город в распахнутом пальто, как в последний раз флиртую – с улыбчивыми людьми, домами, мостами, улицами, стихами Бродского на стене. Бесконечно восхищаюсь лоском, харизмой, остроумием.

Из меланхолии – задумчивые разговоры. Никогда о смерти и бренности, всегда – об ускользающей вечной красоте.

Короткие встречи, блеск в глазах.
– Хочу дворец!
– Обязательно купим.

Книги, философски-несуразные мысли, ночные прогулки, и снова поезда-поезда-поезда».

Алиса прикрыла глаза.

«А потом в дела, в переплетение улиц, в сумасшествие, суматоху и кавардак. Белка в колесе от напряжения начала курить, и дым стоит коромыслом. Поезда-поезда-поезда…»

Столько раз слышала предложение переехать. И думала. Правда думала.

«Не нужно портить любовь бытовухой. Нам не нужны ипотека и счета за коммуналку. Только романтика, только

влюблённость. Но каждый раз: не знаю, что делать – беру билет в Питер».

Глава 10
Утро. Невский. Бомжи.

Вы замечали эту смену караула на всех центральных улочках страны? Пройдитесь около пяти ура по Чистопрудному бульвару или по Невскому. Или по главному парку любого уездного городка. Их населяют совсем другие люди.

Там, где днём от ресторана до кофейни фланируют богемные парочки, неизвестно где берущие средства на свою театральную жизнь, где сидят в обеденный перерыв важные ребята в костюмах и миллиардными сделками в макбуках, где вечерами стучат каблуками, теряют сумочки, разумность и девственность извечные герои шумных баров, по утрам лежат серо-коричневые – всегда почему-то серо-коричневые – люди с куцыми бородками, дурным запахом и возлюбленными бутылками подмышкой. Они появляются незаметно, сменяя ночной кутёж, будто бы стоит чуть дольше задержаться в хмельной, беззаботной, сияющей лоском и пайетками юности, как вдруг просыпаешься на лавочке, одиноко поджав ноги среди собратьев по поискам забытья на следующий вечер.

Неизвестно, где проходит эта грань, но на второй волне

утренних бегунов, изнанка города снова всасывается в закоулки и подворотни, так что, если вы ведёте обывательски-культурный образ жизни, шансы встретиться с этими ребятами у вас стремятся к нулю. Для вас город чист, умыт и обеспечен. Но как только вам случиться взять билет на ранний поезд или просидеть ночь над проектом, засидеться у друзей или выйти зачем-то пораньше из дома, вам откроются сцены совсем другой жизни, будто в театре не успели сменить декорации между спектаклями. Петербург встретил ярким небом и слепящими солнечными бликами на старых фасадах. Точь-в-точь как в тот раз. И снова она здесь, без малейшего намёка на план. В животе заурчало. Вспомнив про круглосуточную кофейню, зашагала в сторону Лиговского.

Знакомый угол фасада вмиг очертился квадратом фотокарточки. Тогда тоже ярко светило солнце. Какой-то мужчина с верхней полки всё утро настойчиво предлагал вместе позавтракать и купить ей ботинки – старые, конечно, выглядели потаскано (новой одежде она предпочитала ж/д билеты), но Алиса надеялась, что не настолько. Подарил два лимона и пакетик орехов. На вокзале отстал наконец. Полезла за картой – самостоятельно оплатить свой скромный завтрак – и поняла, что картхолдера нет. Целиком. Вместе с Тройкой и пропуском от общаги. Сумма потери не велика, но она же – целое состояние. Паники, надо сказать, не случилось. Перевела деньги подруге, заблокировала карты, всю поезд-

ку пользовалась наличкой. Пересчитывала мелочь, чтоб та не затерялась в карманах, и смеялась над своим идиотским положением. В первый раз попробовала шаверму. Лучшего случая и не представить – Питер, крыша, розовый лаваш.

Алисе так везло на солнечные дни в этом стереотипно сером и дождливом городе, что она почти перестала верить сводкам новостей. С ней он – всегда другой. Что-то магически-притягательное было в этом несовпадении.

Хотя был один вероломный раз – второй самостоятельный приезд в Петербург.

Дешёвый, холодный. Прибывший в северную столицу под непроглядным покровом декабрьской ночи. Приехала на концерт. Проходку достала через знакомых, которых вживую ни разу не видела. Но разве это важно, после бессонных ночей за разговорами в Скайпе, идиотских приколов, от которых уже сводит живот, звонков в слезах после ссоры с родителями, миллиона личных историй и общих фантазий? Пересказанные сны, песни хором при всей нестабильности связи. Вся эта несуществующая, глупая интернет-дружба.

И вот утро встречи. У Саши очередной форс-мажор: поругалась с матерью, опоздала на поезд. Нашла бла-бла кар, а он не приехал. Села в какой-то автобус. По пути потеря-

лись, но скоро будут. «Скоро» – ещё часа через три, а пока нужно куда-нибудь приткнуться.

Вышла в холодный город-герой Ленинград – так, по крайней мере, сообщила надпись напротив вокзала.

Тёмные улицы не вызывают доверия, сонный мозг не слишком способен к восторгам. Никто не встретил на вокзале, никто не ждёт в тёплой гостиной. Греет только жажда приключений и чужая флисовая кофта – друзья всем скопом собирали в поездку. Минус тридцать: гулять, мягко скажем, прохладно. Очень хотелось кофе.

Кто-то сверху явно читал её мысли: на ближайшем доме, густо украшенном лепниной, красовалась вывеска KFC. Алиса чувствовала себя здесь такой же неуместной как горящие буквы на шедевре архитектуры, так что радостно нырнула в сомнительное тепло забегаловки. Насобирала мелочь по карманам – наскребла сорок девять рублей на маленький капучино.

Вокруг царил маленький Таджикистан. Не тот, который с вековыми традициями, красивейшей природой и вкусной, богатой едой, а тот, который – как, в прочем, и она – приехал от добра искать счастья, потому что оно нынче положено только успешным.

Сквозь года эта, выросшая, Алиса, которой больше не нужно выскребать по карманам мелочь и ютиться от холода средь грязных полов и незнакомцев, поймала себя на мысли, что даже симпатизирует тем работягам – они не были пьяны, не были агрессивны. Скорее всего, курьеры и таксисты: вдох-выдох перед новой сменой. Но тогда стало страшно: первой реакцией никогда не бывает сострадание. Много взрослых нерусских мужчин, близко двигающихся и говорящих на непонятном ей языке, вызвали приступ не паники, но отвращения. Паники Алисе в небесной канцелярии вообще отсыпать забыли: в нестандартных ситуациях она вся как-то собиралась, реагировала, выползала и только потом стояла у обочины жизненного шоссе и постепенно осознавала, как трясёт всё тело от осознания, что её легко могло уже и не быть. Спасали чудеса и откуда-то взявшиеся добрые люди. Их Алисе отсыпали с лихвой.

На этот раз обошлись как-то без KFC: догуляла до лучших времён – с восьми работает кофейня на Литейном, рядом с шоу-румом тех платьев, в которые Алиса еле влезала. У хороших брендов сложился обет не выпускать вещей больше 44-ого. Ну хорошо: “44-46” для самых притязательных клиентов. Для красивых и богатых, будто купить такое платье – уже определённый успех. Надо отдать должное – те три вещи, что осели-таки у Алисы в шкафу, действительно соби-

рали всеобщие восторги. *“Как бы так жить, чтоб всё это – обычное дело?”.*

Кофейня тоже била по карману, но вкушённый плод вкусного, эстетичного и здорового уже пронзил её хипстерским ядом. Такая дурацкая стадия благополучия: уже привык к комфорту, но всё ещё не готов легко его обеспечить. Живёшь не по средствам. И всё-таки фокус проходит. Сколько бы ни тратила, всегда в последний момент найдётся способ заработать. Деньги образуются на счету тогда, когда совсем их не ждёшь. Так же магически и растворяются в молочном облаке оверпрайс капучино. Не банковский счёт – проходной двор какой-то.

Мягкое кресло, приглушённо-уютный свет. Холодный бамбл и улитка с брусникой. Спешить некуда, и как-то даже непривычно. За два года ковида привыкла при первой свободной секунде подключаться к Зуму: для него и искала кофейни. В другие редкие минуты: зарядить телефон, открыть очередные задания на планшете. Кофе взывал к условному рефлексу срочно что-нибудь делать.

Из делового нашлась только книжка, без особых раздумий закинутая в рюкзак перед поездом. Она, конечно, художественная, но в безделье и Ремарк – самообразование. Открыла – пропала без вести. Шершавые страницы, полная уже

зарядка наушников, расплавленный лёд, расщеплённая беспокойным ртом трубочка. Алиса не может сидеть спокойно. Дёргает ногой, грызёт стаканчики, перебирает пальцами и вечно накручивает волосы. В особо сложных и нервных моментах терзает, от избытка чувств, несчастную нижнюю губу.

Роберт только приехал в Америку – спустя годы скитаний, бегств и лагерей для интернированных. Спустя десятки смертей из-за него и вместо него. Оставив за спиной любые планы и опоры. Добежал, совершив прыжок веры под чужой – какой там по счёту? – фамилией. И вот он в Америке. Спокойствие – как снег на голову. Роберт привык оглядываться, не может ходить по улице, не прислушиваясь. Но это – не всё. Это передышка в пару недель до решающей встречи с посольством: депортируют или оставят? Дадут время переправиться куда-то ещё или прямо из кабинета отправят в новый лагерь, не оставив права даже на звонок? Но Роберту некуда звонить и не с кем разговаривать. Некого даже слушать. Новая страна встретила чужим, неизвестным языком. Роберт чувствует себя призраком, никак не вписанным в историю города – простым сторонним наблюдателем. И это придаёт жизни вокруг особое очарование, яркими красками расцвечивая степенную реальность обычных дней. Парадоксально: отобрали часть картины – сделали её только реальней.

Но Алиса не удивлялась, она хорошо знала это чувство: можно сказать, любила его. Слепые слышат в среднем лучше, чувствуют больше текстур – обостряется восприятие той реальности, которую судьба ещё не отобрала. Для этого совсем необязательно не понимать язык, можно просто выйти в незнакомом месте и некуда не спешить. Неочевидно, но так ты теряешь огромную часть привычных чувств – нет программы, на которую можно опереться, нет дополнительного измерения из шаблонов и маршрутов, нанесённых поверх реальности: карты, по которой каждый из нас неизменно передвигается на автопилоте, рассматривая оставшиеся предметы постольку поскольку.

Пока не составил новую карту, чувствуешь себя потеряно, и чтобы не расплакаться, как в детстве, когда мама оставила одного у кассы и заплутала в молочном отделе, ищешь любые удовольствия вокруг: яркий дом, лёгкий ветерок на щеке, смешной улыбчивый бариста в кофейне. Что угодно, за что можно зацепиться, где поставить точку связи на новой карте своей жизни. В незнакомой ситуации замечаешь всё. Привычный круг разрывается, значимость терзавших душу мыслей и событий понижается почти до нуля по сравнению с новой цепочкой.

Как ни печально, для Алисы Питер свою новизну почти исчерпал. Раньше сбегала к нему, как к любовнику – сума-

сбродно, внезапно, без оправданий. Туда, где всё ново и пламенно, где ты не знаешь и знать не хочешь, как именно он собирается с утра на работу, какого цвета его щётка и долго ли моется в душе. Зато интересны детские мечты, любимый сорт вина, и куда мы пойдём сегодня. Когда срываешься без цели и планов, а все равно – кругом голова. И волосы лежат, и платье сидит идеально, и стрелки – хоть сразу на красную дорожку. И он такой идеальный – небрежно-черная рубашка, улыбка льва и дорогой парфюм. Кажется, будто не собирался – такой от рождения. Но собирался, конечно. Просто лучше об этом не думать.

Но улицы всё знакомей, и широкие жесты не удивляют. Теперь он старый друг: со своими зависимостями и множеством общих историй. Алиса вообще дружит почти со всеми бывшими – принимает такими, как есть, даёт советы, смеётся, пьёт вино и болтает ногами. Только признавать, что были чувства, не любит. Не сложилось – значит и не было. Таких изредка навещаешь, с одеждой особо не паришься: смотрите, какая есть. *"С вами можно в разведку, но я хочу в омут"*. С ними теперь легко и спокойно. С ними больше нет очарования, и бабочки не разрывают грудь. Наверное, это хорошо.

Но Питер хотелось оставить другим. Уже неидеальным – со всеми его закладками и номерами работниц досуга на стендах главных улиц. Не идеальным, но всё-таки другим.

Не своим в доску, а тем, ради которого подбираешь наряд и слова. Тем, что способен удивлять. Когда не знаешь, что он вытворит за следующим поворотом.

Любимая игра – потеряйся на улицах города. Правила просты и немного абсурдны: иди другим путём. Осознай точку А, представь точку Б и выключи навигатор. Просто иди. Если ходила десятки и сотни раз, иди другим путём – сверни с главной улицы, сделай круг. Кажется, что в городе на Неве все улицы правильно-параллельны, но теряться ведь тоже надо уметь. Доверься городу, упади в его объятья и получай сатисфакцию. Город многое может тебе показать.

Так Алиса и сделала: кинула томик Ремарка в рюкзак, унесла поднос к мусорке – всей душой ненавидела тех, кто не справляется с этой задачей – и вышла в кипящий день. С Невского – сразу в зелёный дворик. Скамейки, листва и заборчик. Чем не начало пути? Идти ни к чему Алиса всё-таки не умела: быстро становилось скучно, бесполезно и хотелось есть. Решила наведаться в "Подписные" – и далеко, и красиво внутри.

Питер смог удивить: солнечное утро внезапно сменилось промозглым днём. Поёжилась, достала кожанку из рюкзака. Дождь не собирался (хотя, конечно, кто его знает?), и даже ветер не путал волосы, унося за собой в неизвестные дали.

И всё же идти сквозь обшарпанные стены былого величия комфортнее оказалось, кутаясь в куртку плотнее. Вдруг извилистые улочки снова вывели её на Проспект. Не Невский, нет – до него ещё далеко. Это что-то промежуточное: бары, кофейни, антикварные лавки. Наверное, и не проспект даже – так, проезжая улица с множеством путников на тротуаре. Видно, что не туристы: туристы редко возят с собой плащи и пальто.

Питер сегодня – будто полтора века назад – переполнен строгим кашемиром. Но Алисе хватило доли секунды, чтобы краем глаза выхватить из толпы кусок ткани, мгновенно всей подобраться, достроить знакомую до боли фигуру, нахальную улыбку, старомодный бриолин в волосах, глаза – те самые, ясно-холодные глаза из метро, и… Нет, это не может быть он: не сейчас, не в этом городе. *«Невозможно».*

«Невозможно» – думает Алиса, пока бежит по грязно-серому проспекту со скоростью, не подобающий ни леди, ни Петербурженке, ни кому-то вообще. Толкает людей на узких улицах, сворачивает в закоулок, теряется между двумя грязно-жёлтыми стенами. Дыхание сбивается. Это тупик. Это точно тупик. Секундная задержка, до предела напряжённый слух. Шорох. Поворот. Да, вот мелькнул заветный кусок. *«Куда, куда он идёт? Почему она бежит за ним?»*

«Дура, не суйся! Это Питер, здесь дворы кишат тем, что не следует видеть хорошим девочкам». Алисе плевать на хороших девочек. Алисе нужно только ещё раз увидеть его. Хоть со спины. Хоть краем глаза. Только бы он не заметил. Бежит, ныряет в низкую арку, больно ударяется головой и падает на растворённый в луже асфальт. Финита ля комедия. Гейм оувер. Ставок больше нет.

Глава 11

Новые джинсы теперь в грязи. Сверху, оказывается, капает дождь. Сколько он идёт? Судя по луже – уже прилично.

«Если уж сел в лужу, постарайся не ударить в грязь лицом».

Высказывание явно не тянуло на Древнекитайскую мудрость, но Алиса сейчас готова вытатуировать его себе на лбу, лишь бы неукоснительно следовать заповеди. Одной рукой победно вскидывает телефон над уровнем позора, на вторую – сильно пострадавшую при падении – опирается с отчаянной надеждой утопающего: рука вполне походила на соломинку – также дрожала и сбивала с трудом добытый баланс. Перерыла всю картотеку полезных воспоминаний – от уроков акробатики в детстве до смешных видео с котами, которые виртуозно заскакивают на шкаф. Потом, правда, срыва-

ются с диким мявом и из сальто выходят в свободный пике. Это делает видео смешным, а тебя – моральным уродом.

Почувствовала себя нелепой массовкой, оттеняющей безупречный облик главного героя. Чтобы все софиты облучали светлый его киношный лик. Чтобы правильные контрасты, волевой профиль, красиво струящийся дым. Герои тоже бывают нелепы, но всегда как-то наигранно: вызвать сочувствие, показать человечность. Алиса отчаянно хотела верить, что она – тоже главный герой, просто автор слишком схватился за реализм.

Чудом поднялась из лужи, не утопив ничего совсем уж полезного. Сухой работающий мобильник оказался как нельзя кстати: пришло сообщение от Дари – смутные воспоминания гласили, что именно так звали хозяйку Сумрака и временного Алисиного пристанища.

– Я через час заканчиваю работать. Встретимся в «Этажах»?

– Да. Мне как раз явно пора куда-то домой.

Мокрая ткань неприятно липла к ногам. Зато, кажется, кончился дождь. Сняла кожанку, обвязала вокруг пояса – вроде прикрыла последствия гонки. «Этажи» как Питерский Рим: в них обязательно ведут все дороги.

Ни разу ещё не нашла вход с первой попытки: пять этажей фрик-магазинов, разношёрстных людей, глубокомысленных надписей и недопонятых поэтов скрываются за самой обычной Петербургской аркой. Никаких указателей. Сколько ни ходи – всегда пропускаешь сначала.

До встречи ещё полчаса – решила вскарабкаться на самый верх, преодолев с десяток издевательски длинных пролётов. Там – всегда почему-то исключительно за наличку – пускают на высокую крышу со смешными картинками, искусственным газоном и потрясающим видом на Петербургские контрасты: исторические здания с лепниной и их же облупившиеся желтовато-серые дворы: сплошная Достоевщина, которую Алиса так ни разу и не смогла дочитать до конца. Бонусом идёт билет на качельки: зал с досками на длиннющих железных цепях – где-то осталась фотка, на которой семнадцатилетняя Алиса феерично с них падает.

Из лестниц сложилась полноценная тренировка. Стараясь сохранить остатки самолюбия и ровное дыхание, вытащила из кармана две смятые сотни – не помнила, когда в последний раз пользовалась наличкой. Протянула запястье для пропуска-печати, сделала последний рывок и выползла наконец к вновь появившемуся солнцу. Резко захотелось танцевать. В такие моменты сюрреалистически чётко ощущают-

ся сила и молодость. Хочется жить, творить и объять весь удивительно-контрастный, такой невероятный мир. *«Хорошо, что сутки назад я не шагнула под поезд метро».*

Расшнуровала кроссовки, стянула носки – плюхнулась на искусственную траву, вытягиваясь каждой мышцей, стараясь прочувствовать этот момент всеми фибрами души, каждой клеточкой тела. Лето, Питер, и целая жизнь ещё впереди.

Привычное синие сияние больше не раздражало.

– Я закончила. Где встречаемся?

– Я тут, на крыше тусуюсь. Приходи?

– Не, я не настолько мажорка. Пойдём лучше покажу местную крышу. Твоя – чисто обдиралово для туристов.

Гулять с местными всегда интересней, чем с гидами. Они знают и показывают неподдельное. Не за открытками же ты – в самом деле – приезжаешь в город. Приезжаешь за жизнью, за новыми поворотами. А их, к несчастью, не найдёшь в туристических декорациях.

– Окей, спускаюсь.

– Встретимся на четвёртом.

«Местная» крыша оказалась балконом-курилкой всего ближайшего общепита. Виды не впечатлили, зато перепала халявная шаурма от одного из многочисленных Дариных

коллег, а заодно с ней и приятно покалывающее низ живота чувство посвящённости в чужую тайну, пусть и посредственно-бытовую.

– Ладно, погнали к метро. Зайдём только за Гаражом и картошкой. У меня ещё валялся чёрный хлеб: намучу нам царский ужин!

Алиса давно не ужинала картошкой и хлебом, но это что-то вроде фастфуда в ночных переездах и запаха Доширака в вагоне: нужно принять чужие правила игры, чтобы прочувствовать атмосферу.

Полуподвальная Пятёрочка из тех, которые никогда не заметишь в центре с первого раза. Стойки с алкоголем у кассы, разношёрстная очередь из работяг и бомжей.

– Может, вина на вечер возьмём? – предприняла попытку найти компромисс с чужими устоями.

– Оплатишь?

– Оплачу.

– Тогда погнали. Я только белое пью. А ты?

– Индифферентно. Белое так белое. Две бутылки?

– К девяти на работу… Да пофиг, погнали. Не в первый же раз, ей-богу.

«Интересно, и сколько ей?». Для себя Алиса уже закинула Дарю в категорию Питер Пэнов – людей без возраста, одинаковых и в пятнадцать, и в тридцать пять. Рано повзрослевших и напрочь отказывающихся стареть.

До пригорода добрались почти без приключений. Новые кварталы в спальных районах: Северная столица растёт почти так же неумолимо, как официальная.

– Так, я сейчас открою дверь, а ты лови кота.

– Что?

– Тебе Гамлет разве не сказала? У меня кот, зовут Сумраком.

– Сказала. А ловить-то зачем?

– Чтобы не убежал.

Щёлкнул замок, скрипнула типичная дверь рафинированной новостройки – такие обычно кусками обёрнуты в плёнку, так и не снятой после сдачи квартиры первым счастливым жильцам. С диким мявом что-то чёрно-седое пробкой вылетело из открывшейся щели и с космической скоростью метнулось в конец коридора. Алиса скинула на пол рюкзак и побежала за серым комком из скорости и недовольства. Уже приготовилась к расцарапанным рукам, но вблизи кот оказался вполне дружелюбным. Сдавшись, залез на руки почти добровольно.

– Это он так обижается. Не любит, когда меня дома нет целый день.

– Так ты же постоянно работаешь?

– Ну вот он постоянно и бегает. Готовься: при выходе будет также. Но вообще-то он душка.

Алиса не ответила, заворожённая открывшимся видом. Эта квартира явно могла побороться с «Этажами» за звание самого концептуального места в Петербурге. На стенах не наблюдалась даже намёка на обои, зато все они были покрыты разномастными надписями и рисунками, будто тело закоренелого байкера. Квартира дышала духом богемы и декаданса.

Вспомнился дворик при музее Ахматовой – там на стенах неизвестные авторы вперемешку писали свои стихи и чужие цитаты. Иногда стену закрашивали, но вряд ли ради приличного облика, слишком уж много шарма добавляли ей надписи. Скорее давали волю новым творцам, освобождая место на культовой стене. *«Надо всё-таки добраться до Подписных».* А пока можно было вдоволь насмотреться на коллективное творчество посетителей обители Дари и Сумрака. Алиса их, кстати, уже полюбила: слишком яркие персонажи, чтобы хоть что-нибудь им потом не простить. Такие вот личности – главная Алисина слабость. Она бы написала по кни-

ге про каждого, если бы по-настоящему умела писать.

Отойдя от шока, спустила наконец с рук кота, закинула в квартиру рюкзак и собиралась уже куда-нибудь сесть, как вспомнила про грязные джинсы. На кровати – единственном относительно свободном в комнатке месте – белья, конечно, не было, но Алиса начинала догадываться, что оно и не предусмотрено, а пачкать ткань (итак, к слову, не первой свежести), на которой предстоит пару дней спать, не казалось удачной идеей.

Даря уже колдовала что-то у плиты, лавируя между грязной посудой, зажигалками, пачками сигарет и пустыми бутылками.

– Слушай, у меня тут оказия случилось, и надо б джинсы застирать. У тебя можно взять что-то переодеться?

– Ага, посмотри там, – неопределённый взмах рукой, видимо, предназначался примостившемуся в углу рейлу с одеждой, – что найдёшь: всё твоё.

– О, спасибо.

– Можешь, пока тут живёшь, любые шмотки брать и косметикой пользоваться. А то ты, кажется, ничего с собой не взяла.

– Да… Собиралась в спешке.

– Срочные дела?

– Ага: не повеситься и не обдолбаться.

– Тогда ты выбрала крайне странное место – тут многие этим профессионально и занимаются. Хотя Питер я всей душой люблю.

– Да я тоже… Люблю. И таким вот тоже – никуда от чувства не денешься. Сердцу, говорят, не прикажешь.

– Я считаю, что это правильно. Любить надо не за что-то, а лучше даже немножечко вопреки.

– Звучит не очень здорово.

– Зато красиво.

На этом и порешали. Алиса быстро сменила джинсы на первые попавшиеся шорты – благо, размер с хозяйкой квартиры примерно совпал. Беспомощно оглядывалась в поисках какого-то подобия санузла.

– Ты не заметила, наверно: ванная у входа. Там дверь сразу направо, напротив шкафа, – Даря правильно распознала потерянный вид. – Сушить можешь кинуть туда же. Стиралка сломалась: этим не помогу.

– Да не страшно, тут просто грязь отстирать. Скоро вернусь.

Ванная и правда находилась у двери, в каких-то полутра метрах от кухни: места в клетушке было на одного и впритык. Пробираться пришлось прыжками, чтобы не наступить

ни на Сумрака, ни в его миску, ни в лоток. Вышла из ванной победителем: спустя каких-то двадцать минут поисков мыла, нормальной температуры воды и какого-нибудь подобия сушилки, джинсы были спасены. Почувствовала запах подгоревшей, но всё же еды.

– О, ты вовремя. У нас гренки, картошка и даже чесночный соус. Мои фирменные, кстати!

Алиса упала на диван и постаралась не морщиться при мысли о том, сколько масла влито в этот шедевр. *«Принимай правила игры, расслабься, и будет тебе счастье».* Штопор оказался сломан на одной из недавних пьянок, так что в ход пошли нож, ключи и все приобретённые за время студенчества важные навыки: без вина царский ужин не остался.

– Ты одна живёшь?

Хотелось как можно больше узнать о владелице странных покоев и бешеного кота. Как люди к такому приходят? Кто она, почему так живёт, и чем ещё увлекается? Какие цели на жизнь и планы на завтрашний вечер? Бывают люди, способные удивлять каждой фразой. В голове у Алисы теплилось предположение, что новая знакомая – как раз из таких. Но в начале разговора в голову лезли только отборно дурацкие вопросы.

– Ну, как сказать… Вот сегодня с тобой.

– А вообще?

– С Сумраком. Никогда нельзя забывать про Сумрака.

– Это уж точно. Не хотела б я увидеть его в истинном гневе.

– А то. Но вообще, Шаман иногда тут живёт. А иногда не живёт. Зовёт замуж, но пропадает. Хотя его я всё равно не очень люблю, так что и пусть.

– А кого любишь?

– Очевидно, того, кто не любит меня.

«Очевидно?» Ну да, такая героиня вряд ли живёт в типичном ромкоме. Действительно: «очевидно». Если не вспоминать, что мы не в сериале.

– О, гитара. Играешь?

– Да. Много на чём играю, на ней тоже.

– Люблю музыкантов. Сыграешь мне что-то?

– Музыкантов не надо любить: они те ещё сволочи.

Вспомнился Марк – видимо, исключение.

– Ну ты же говорила, что любить надо немножечко вопреки. Так ты сыграешь?

– Ну тащи гитару. Мне лень вставать.

Сказала демонстративно лениво, но тут же встала – помыть руки. Все они одинаково трясутся над своим инструментом. Это даже трогательно.

Швец, Сплин, внезапно кусочек из Пятой Симфонии. Открыли вторую бутылку вина.

– Сделай анпэкинг.

– Что?

– Покажи, что у тебя в рюкзаке. Мне интересно, с чем люди уезжают в неизвестность.

– Да там ничего интересного. Так, набор первой необходимости.

– И всё же?

Даря видимо, тоже была не прочь заглянуть в чужую душу через бардак. Алиса потянулась за рюкзаком – благо, в этой комнате что угодно можно было достать, не вставая с кровати.

– Ну вот. Футболка, гипер-большая футболка, зарядка, бутылка воды, паспорт, запасные наушники. Ноут – мало ли, что-то срочное надо – я без него вообще никуда. Блокнот, щётка, паста, книжка, дезик, расчёска. Вот – в общем-то – и всё. А, ну вон запасные трусы и ручка ещё. Теперь ревизия

точно закончена.

– А что за книжка?

– Ремарк.

– Уважаю.

Алиса повертела томик в руках.

– Да, мне тоже понравилось. Но это пугает.

– Что плохого в том, чтобы любить хороших авторов?

Посмотрела в стену, пытаясь сформулировать мысль. Из темноты в неё вглядывался чёрно-розовый панда в кругу каких-то надписей. Давно стемнело, а лампочку в этой квартире никто так и не поменял: обходились мигающей разноцветной подсветкой, приклеенной по периметру.

– Любить-то можно. Странно их понимать.

Даря склонила голову и уставилась вопросительно.

– Странно понимать Ремарка из своей маленькой благополучной жизни. У них – война, неизвестность и вечный хаос. Им можно зависнуть в пространстве, не доверять и жить играючи в зыбкой полудрёме островка спокойствия. Потому что вокруг бушует шторм, и неизвестно, когда всё знакомое тебе смоет следующей огромной войной. Они – потерянное поколение. Так почему я в свои двадцать размеренных лет

так хорошо понимаю героев?

– Потеряться можно и в переходе знакомого метро, если идти пьяным или обдолбанным. Да даже просто уставшим. Если вокруг тебя не рушится осязаемый мир, совсем на значит, что твой собственный в полном – ну или хотя бы каком-то – порядке. Не обесценивай личные драмы: они красивые.

Даря подобрала ноги, обняв коленки руками. Положила на них голову. Алиса сглотнула – кажется, задела что-то не то.

– Романтизируешь страдания?

– Их иначе не пережить.

Двумя глотками прикончили вторую бутылку вина. Хотелось узнать побольше, но вопросы здесь – кажется, не уместны.

– Ладно, мне спать осталось четыре часа. Давай мне их обеспечим.

Интуиция на подвела: постельного белья здесь предусмотрено не было. *«Зато атмосферы – хоть отбавляй».* Ничего. Огромная футболка с портретом Кобейна вполне годилась на роль спальника. В неё куталась и в поездах, и выходя за

энергетиком посреди сессионной ночи. Если честно – могла бы в ней жить. Из роскоши нашлись две почти плоские декоративные подушки и какой-то куцый плед. Под ним и улеглись, стараясь дать друг другу хотя бы пару сантиметров личного пространства. Даря уснула мгновенно. Алиса снова мучалась бессонницей. *«Всё чудесатее и чудесатее…»*

Удивительные всё-таки люди живут в этих маленьких квартирках на окраинах больших городов. Не менее удивительные – на верхних этажах с мансардами и в подвалах, как Булгаковский Мастер. В панельках, в покосившихся домах деревенских периферий. Никогда ведь не угадаешь, кто именно скрывается за обычным окном заурядной постройки. А где-то за такими же окнами живут обыватели. Обычные средние семьи с подрастающими детьми. Среднестатистические студенты, работники, пенсионеры. Где эта грань? У каждого своя история – всё зависит только от искусства рассказчика. Может быть, и самая мерзкая училка с пыльным сводом законов морали, заученной методичкой и пресвятым школьным уставом хранит в себе потенциал для захватывающего романа? Перевернулась на другой бок, стараясь не задеть новую знакомую ненароком. Кровать скрипнула. Даря молниеносно вскочила.

– Ты чего?

Даря нервно крутила головой, осматривая комнату.

– Извини, я не хотела тебя пугать. Мне казалось, ты уже спишь.

Даря наконец выдохнула и опустилась обратно на матрас.

– Всё окей, это я тебя напугала. Чутко сплю.

Алиса всё ещё смотрела с недоумением, но тоже постепенно легла.

– Тревожность?

– Привычка. В притоне лучше не терять бдительность.

«Ты же обещала ничему не удивляться».

– Сколько тебе? – Вырвалось как-то случайно. Интерес пересилил такт.

– Почти двадцать. Ну, будет через полгода.

– И… Притон? Как ты туда попала? – Манеры капитулировали окончательно.

– Я его держала. – Кажется, удовлетворилась произведённым эффектом. – Ты не думай, я не какая-то там наркоманка законченная. Просто не хотелось на улице жить. А там разрешили ночевать, если порядок поддерживать. Что-то типа администратора. Денег не платили, но зато иногда подкармливали.

«Ну и что скажешь на откровение? Что тебе жаль?».

Никогда не умела поддерживать правильно. Полное бессилие перед извращённостью чей-то судьбы. Можно только констатировать неприличное слово – как смертельный диагноз. А хочется как-то помочь. Защитить. Показать, что мир бывает тёплым и мягким. Окутать безусловной любовью как пледом. Да только как таких защитишь? Они столько сражались с монстрами, что сами в них чуть-чуть превратились. Рядом с ними чувствуешь невыносимое сочетание ответственности и слабости. И понятия не имеешь, что с этим набором чувств можно сделать. Сидишь молча, хлопаешь глазами, разрываешься между желанием погладить по плечу и отойти подальше – не навредить случайно сильнее. Алиса определённо не умела поддерживать.

– Да не переживай, всё закончилось. Мне как восемнадцать исполнилось, дядя звал к себе в Америку учиться. Я ездила – неплохо. Язык подтянула. Но моё сердце принадлежит Петербургу. Квартиру отца продали, на мою долю – купили вот студию в Мурино. Теперь живу как королева. Социальные выплаты на время учёбы как сироте. В кафе иду вверх по карьере. Всё зашибись!

«Ну да, класс. В итоге она же тебя и успокаивает. Браво!»

– Но… Почему на улице? Есть же… Места специальные?

– Я сама сбежала. Отец ещё жив был. Привёл домой девицу какую-то: года с маминой смерти ещё не прошло. Она раскомандовалась. Отец потакал. Ничего такого, но… Не знаю, бунт. Взяла спальник и ушла. Почти целое лето промоталась по паркам: они не искали. Думали, приду, но я упёртая. Ночами было не холодно, еду таскала из магазинов. В сентябре похолодало: пришлось зарабатывать. Никуда без опыта не брали, деньги нужны срочно – ну, ты сама понимаешь, какие варианты остались. Дурой была. Хорошо, что опека нашла быстрее, чем менты. У отца забрали права, меня – в соцгостиницу. Оставалось пара недель до совершеннолетия: не стали пихать в детдом. У отца инсульт – летальный исход. Восемнадцать – иди, куда хочешь. Снова на улицу. Там – сентябрь. Бегать кладменом – через месяц попасть на зону. Тоже крыша над головой, но хотелось другого. Ну и пристроили меня, как могли. Ещё стихи читала на вечерах. Ну а потом разобрались с документами. Америка, колледж, однушка. Вот мы и здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.